

АЛЕКСАНДРА БЛОНСКАЯ

ЦИДНИИ II

ПРОКЛЯТОЕ УБЕЖИЩЕ

18+

Александра Блонская
Циани II. Проклятое убежище
Серия «Циани», книга 2

<https://litres.ru/73855504>

SelfPub; 2026

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Аня попала в жестокий мир, где выжить — уже большая удача. Только вот теперь она — собственность загадочного герцога Блэквуда. «Бабник и повеса» — говорят о нём в обществе. Лучше бы так и было.

На деле Анна сталкивается с кем-то куда более опасным и притягательным.

Это вторая из двух книга, для понимания сюжета необходимо ознакомиться с первой.

Содержание

Часть II	4
Глава 1. А что всё это время делал герцог Блэквуд?	4
Глава 2. Новая клетка Анны	27
Глава 3. Проклятый герой	50
Глава 4. Друга можно купить	75
Глава 5. Затворника выкурили из дома	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Циани II.

Проклятое убежище

Часть II

Глава 1. А что всё это время делал герцог Блэквуд?

Кайл Блэквуд стоял у окна в своем «знатном» номере таверны «Кристалльная воля». Единственная комната во всем городке с ванной, слишком дорогая для рядового путника и всё ещё убогая для особы королевской крови. Герцог задержался на севере дольше, чем предполагал, и ночевал здесь четыре кошмарных ночи. Но уговор — есть уговор, и теперь они с Кариной в расчёте.

За стеклом пока держалась ночь. Лишь на самом краю неба появлялась едва заметная, грязно-серая полоска, как тонкий надрез, через который медленно сочились рассветные лучи.

Кайл был уже одет и собран. Дорожная шуба застёгнута, ремень затянут, перчатки заправлены за пояс. У входной двери стоял чемодан.

В руке герцог держал записку. Тонкий клочок бумаги с парой строк. Он получил сообщение всего десять минут назад, пришлось собираться в спешке.

Кайл смял бумагу и бросил в камин, тут же взял кочергу. Угли разошлись, вспыхнули, осыпались. Он помешал их тщательно, терпеливо, пока от записки не осталось ни следа, ни тени, ни возможности восстановить хоть одну букву, даже с помощью магии.

В зеркале у стены отразился высокий силуэт. Тёмные, чуть волнистые волосы. Почти чёрные глаза, внимательные и холодные. Высокие скулы, выдающийся нос, смуглая кожа — не от происхождения, а от дорог и солнца. Руки, как всегда, говорили больше, чем лицо: ссадины, трещинки на костяшках, обветренная кожа, следы работы с реагентами и кристаллами. Герцог, о котором шептались в салонах, и человек в зеркале совпадали лишь титулом.

Кайл поправил ворот шубы, подхватил кожаный чемодан и вышел из комнаты. Карета ждала внизу. Вместо лошадей — ровное, пульсирующее красное сияние кристаллов, встроенных в раму. От них шло тепло, ощутимое даже в холодном воздухе. Карета тихо гудела, словно живая, готовая сорваться с места.

У подножки стоял Эдвард — дворецкий, юрист, управляющий герцога в одном лице. Седой, сухой, прямой мужчина с непроницаемым лицом. И все же было что-то в его выражении глаз, если не доброе, то мягкое.

— Мисс Карина освободила душу, — произнёс он негромко. — Запрос по варварке составил.

Кайл уже занёс ногу на ступеньку. От местной заключённой несло мощнейшей древней магией. Чертовски соблазнительная, манящая энергия. Герцог едва удержался... Но необдуманно связываться с подобной магией — опасно. С таким даром и угодила в обшарпанную управу... Вполне себе ловушка. Если варварка действительно пришелец из ниоткуда, то никуда не денется, пока..

— Приостанови, — небрежно взмахнул рукой. — Планы изменились.

Эдвард чуть приподнял бровь.

— Не до неё, — продолжил Кайл, поворачивая голову. — Карина нам помогла дважды. Оказывается, наш зверь все эти дни был рядом. А теперь побежал в Столицу.

Герцог сел в карету. Дверца закрылась. Эдвард занял закрытую кабину кучера. Карета тронулась сразу, без команды. Красные кристаллы вспыхнули ярче, и ночь за окном начала медленно отступать. Кайл прикрыл глаза всего на мгновение. Наконец долгие годы слепой охоты дали хоть какой-то результат. Кайл надеялся нагнать добычу у ближайшего телепорта.

Ничего не вышло. Как не торопились, к станции телепорта они с Эдвардом добрались лишь на четвертую ночь.

Дорога через перевал оказалась тяжёлой даже для кареты с кристаллической тягой. Серпантин в горах заледенел, ка-

мень под колёсами скользил, и приходилось останавливаться. Кайл выходил сам — без слов, без просьб — подбирал обломки камней, подкладывал под колёса, упирался плечом, пока карета медленно, с протестующим скрежетом, не выбиралась из очередной ловушки. Временами на особо тяжёлых участках Блэквуду приходилось использовать магию, несмотря на все риски. Хребет Люци Гёхта¹ с лёгкостью мог ответить лавиной на чуждую энергию.

Чтобы сэкономить время, герцог с помощником не останавливались на ночлег. Они по очереди дремали в кабине, пока другой следил за дорогой в отсеке кучера. Лошади магическому экипажу были ни к чему, но управление всё ещё требовалось: карета поворачивала, ускорялась и замедлялась с помощью системы рычагов.

Станция телепорта стояла на голом каменном уступе — низкое, неприметное здание с толстыми стенами, будто вросшее в скалу. Внутри пахло сыростью, холодом и старой магией. Телепорт здесь был настолько древним, что кажется, видел самого Плутона.

— Вам нужен список за последнюю неделю? — работник станции — плотный мужчина в тёплом плаще — поднял голову от журнала учёта. Потом замялся, листая страницы, те были пустыми. — Да, никого и не было. Всю неделю пурга же...

¹ Люци Гёхта — хребет, что отделяет северную часть империи. В буквальном переводе «Колыбель света». Больше о нём в интерлюдии «Запретное чтение»

Кайл стоял молча. Работник вдруг улыбнулся.

— Как Северный край пришёлся молодой мисс? — щеки мужчины порозовели. — С вами была ... Вы же прибыли недели четыре назад...

Он не договорил. Кайл посмотрел на сидящего за служебной стойкой. Не резко. Не угрожающе. Просто — внимательно и холодно. Работник сглотнул и торопливо опустил взгляд.

— Прошу прощения, Ваша светлость, — пробормотал он. — Ошибка.

— Бывает, — отозвался Кайл.

Герцог развернулся и вышел, не задав больше ни одного вопроса. Он видел краем глаза как к работнику станции подошла женщина, видимо, тоже служила здесь.

— Это же герцог Блэквуд! Он убивает своих наложниц... — донесся до мужчины быстрый шёпот.

В карете было теплее. Красные кристаллы гудели ровно, убаюкивающе. Эдвард сел напротив, молча развернул плотную магическую карту, закреплённую кожаными шнурами. Бумага была испещрена сияющими пометками, тонкими линиями, значками собственности.

— Вот перевал, — сказал он, указывая пальцем. — Отсюда и до следующей долины — двадцать девять, возможно, тридцать частных домовладений. Некоторые — бывшие охотничьи резиденции.

Кайл склонился ближе.

— Идеальное место для частного телепорта, магия сочится здесь сама по себе, это даже дешевле устроить, чем в Столице, — продолжил Эдвард.

— Что ж, на этот раз зверь оторвался... — пробормотал Кайл.

Эдвард кивнул.

— Проверить нужно каждый дом, — сказал герцог после короткой паузы. — Без шума. Через людей, через документы, через поставки кристаллов. Я как раз подумывал о северной резиденции.

Эдвард поднял на него взгляд.

— Вам нужно две резиденции. Одна поближе к перевалу, а другая вот здесь.

Слуга ткнул в область почти рядом с городком, где закончился путь Карины, и продолжил:

— Тогда любая точка на Севере будет доступна в течение суток-двоих, а не недели как сейчас.

Кайл откинулся на спинку сиденья. Лицо его оставалось спокойным, но в челюсти едва заметно ходила мышца.

— Устрой всё. Две резиденции так две.

Столичный дом герцога Блэквуда был образцом сдержанности, граничащей с вызовом. На фоне мраморных особняков и готических шпилей центрального бульвара его двухэтажное здание из темного кирпича казалось случайно уцелевшим памятником древней архитектуры. Когда ценили

простые линии и надежные фундаменты. Ни герба, ни статуи, ни витражей. Только высокие, широкие окна, всегда чистые, и матовая чёрная дверь.

Внутри было тихо. Кайл завтракал в одиночестве в столовой — светлой, без излишеств. На столе — простая сервировка, крепкий чай, хлеб, мясо, яйца. Без изысков.

Из двери в кухню появился Варди Аберг. Он не вошёл — он заполнил собой проём. Бывший солдат или, что более вероятно, наёмник, ставший поваром. Его плечи были шире дверного косяка, светлые, почти белые волосы с заметной сединой убраны в хвост. Руки, державшие тарелку тёплого хлеба, могли бы без усилий переломить хребет быку. Но двигался Варди с тихой, кошачьей осторожностью.

— Доброе утро, Ваша светлость. Дорога была тяжкой? — его голос был звучным и громким.

— Я рад вернуться к твоей еде, — отозвался Кайл, не глядя. Он размешивал сладкий чай. — Ну, что там снаружи? Во всю обсуждают, как я убил очередную несчастную?

— О нет, Ваша светлость, — хохотнул Варди, — все только и говорят, что о помолвке Стоунфилда. Диво как хороша пара!

— Опять перетянул всё внимание на себя, сопляк, — скривился герцог с притворным разочарованием. — Ни стыда, ни уважения к старшим.

Варди легко засмеялся и сел за стол рядом. Взял кусок хлеба и щедро намазал его маслом — оно аппетитно таяло

на тёплой мякоти.

— Попробуйте, в этот раз я сделал умеренно соленое.

Кайл с удовольствием подчинился и откусил половину за раз.

— Ммм... это то, что нужно, Варди!

Герцог любил дом за то, что здесь не было чужих глаз и все обитатели знали, чем на самом деле занимается Кайл.

В доме жили всего четверо: сам герцог; его верный Эдвард Уокер — управляющий, юрист и ищейка; Варди Аберг, этот гигант, что сейчас довольно уплетал свой хлеб, отвечал за кухню и безопасность; его сынишка, Ульф, был на подхвате, конечно, в свободное от учёбы время.

Раз в неделю сюда приезжали служанки — быстро, точно, без лишних разговоров убирались и стирали. За четыре часа дом становился безупречно-чистым, а затем снова пустел.

После завтрака Кайл направился в кабинет. Круглая комната — замкнутая, как мысль, к которой возвращаются снова и снова. Из неё выход в небольшой закрытый сад, отгороженный высокими каменными стенами. Собственное укромное местечко прямо в сердце Столицы. В центре кабинета, как алтарь, стоял массивный круглый стол из черного дерева. Но поверхность едва проступала под завалами предметов — всё пространство занимали бумаги, фрагменты кристаллов, медальоны, обрывки ткани, печати, сломанные артефакты. Вещи, которые сами по себе ничего не значили, но в связке обретали голос.

Стены комнаты чернее чёрного на манер школьной доски. Там, где не было приколото записок и портретов, поверхность была исписана мелом — формулами, именами, датами, стрелками. Белые линии перечёркивали друг друга, сходились, расходились, возвращались по кругу.

Все предметы в комнате соединялись тонкими, едва заметными сияющими нитями. Они тянулись от предмета к предмету, от имени к имени, от события к событию — напоминание не для памяти, а для логики.

У выхода в сад стоял ещё один стол — письменный. Завалянный документами, донесениями, записями разного возраста. Бумага здесь лежала слоями, как геологические породы. В стороне — старый, продавленный диван, переживший не одну ночь без сна.

Кайл прошёл мимо всего этого, не останавливаясь. Он подошёл к чистому участку стены — у самой стеклянной двери в сад. Взял мел. Несколько секунд смотрел на чёрную поверхность, будто примеряясь.

Затем вывел крупно, уверенно, без украшений: «ГИЛЬДИЯ РОЗЫ». Мел скрипнул. Белые буквы резко выделялись на фоне стены. Карина уверяла, что именно так называлась группировка, которая завербовала Анну накануне её смерти. Кайл сделал шаг назад и посмотрел на надпись. Забавно, но он слышал это название ещё при жизни Анны. Она говорила о шуточном собрании девчонок, они то ли читали вместе, то ли рисовали...

Кайл подошёл к письменному столу и выдвинул нижний ящик.

Из глубины достал кулон-шкатулку — старую, потёртую, с едва заметной трещиной на ободке. Раскрыл привычным жестом. Внутри, на магическом портрете, ему улыбалась девушка. Тёплые каштановые локоны — в тон глазам. Широкая, открытая улыбка, чуть насмешливая, будто она знала что-то, чего не знал весь остальной мир. Внешне она была до боли похожа на своего глупого брата — тем же упрямым подбородком, тем же взглядом, который смотрел прямо, не отводя глаз.

Анна Мэлфой покорила его сразу. Не только красотой. Тем, как легко она смеялась. Тем, что не смотрела на него с осторожностью или расчётом. Тем, что говорила так, будто он был просто мальчиком, а не чьей-то ошибкой.

Герцог Блэквуд родился в то время, когда быть сыном наложницы было постыдно.

Кто мог знать, что всего через двадцать лет все эти условности перестанут иметь значение. Когда магическая кровь стала редеть с угрожающей скоростью, любой её носитель, даже бастард, превратился в стратегический актив. А тогда... тогда все ещё надеялись, что спад рождаемости магов — явление временное, что мир «поправится», что старые правила снова сработают.

Он был младшим сыном короля. Слишком неудобным, чтобы признать по-настоящему. Его держали в тени. О выборе невесты речи не шло. Всё было решено за него.

Но на самой первой встрече — им обоим тогда было почти одинаково мало: ей почти тринадцать, ему четырнадцать — Анна посмотрела на него так, будто никаких решений ещё не существовало.

Уже через неделю знакомства Кайл был готов на всё, лишь бы жить тихо, просто и, главное, с ней.

Мягкое красное свечение мигнуло на руке герцога, возвращая в настоящее. Он опустил взгляд. В оправе перстня — простого, без герба — пульсировал кристалл. Сигнал был коротким, но настойчивым. Вызов Его Величества.

Кайл закрыл кулон-шкатулку и вернул её в ящик. Домашний телепорт находился в нише в коридоре этажом выше — скрытый, защищённый, настроенный только для четырёх людей, что жили в доме. Кайл активировал его привычным движением, и пространство вокруг дрогнуло, сложилось и вывернулось.

Он вернулся быстро. Никаких тронных залов и без свидетелей, герцог и король не обменивались формальностями. Брат сразу перешёл к делу: обратил внимание на смерть, произошедшую в день помолвки Эдварда Стоунфилда.

Лорд был найден мёртвым в собственном доме, без следов борьбы. Слуги утверждали, что к нему регулярно приходила девушка — каждую неделю, по расписанию, как часть при-

вычного уклада. Никто из них никогда не видел её лица. Она появлялась и исчезала так, что со временем перестала вызывать вопросы. Лорд был убит магией — аккуратно, без лишнего следа, а это значило, что убийца владеет даром профессионально.

Кайл задал всего один вопрос — скорее для фиксации, чем для получения ответа:

— Гетера?

Брат не подтвердил и не опроверг. Он дал понять, что направление стоит проверить. А ещё на месте убийства нашли лепестки цветов...

Когда пространство вновь сомкнулось, и стены его дома приняли привычную форму, Кайл задержался на мгновение. Лепестки. Герцог вернулся в кабинет и посмотрел на стену, где белыми буквами было выведено: «ГИЛЬДИЯ РОЗЫ».

— Что ж, пора выйти в свет...

Непутёвый королевский отпрыск — так его любил называть свет, — герцог Блэквуд будто бы нарочно перетягивал на себя одеяло общественного внимания, отвлекая от такого положительного, почти безупречного Эдварда Стоунфилда.

Конечно, Кайла заметили в доме убитого лорда. Свет охотно шептался: известный своим извращённым любопытством герцог, разумеется, не мог упустить случая. Под видом соблезнований он просто пришёл поглазеть на место трагедии.

Кайл действительно «поглазел». И не нашёл ничего. Ни

волос, ни пота, ни следов крови за пределами ожидаемого. Ни даже намёка на жидкости куда более интимного характера, которыми обычно пренебрегают в спешке. Кто бы ни был убийцей, он подготовился.

Однако магию не стереть полностью. Герцог Блэквуд особенно чутко ощущал остатки энергий. Шлейф чар — слабый, размытый, но узнаваемый — всё ещё держался в воздухе. Если он встретит убийцу снова, он узнает его сразу.

Кайл вышел из дома с тем же выражением скупающего интереса, с каким в него входил. Почти сразу его настигла новость о ещё одном нападении — и в этот раз снова предполагали, что виноваты гетеры. В ближайшей кофейне герцог нарочно подсел к столику знакомой пожилой четы баронов. Те не заставили себя упрашивать.

— Вчера ночью напали на Первого Министра, — сдерживая улыбку восторга, сообщила почтенная дама. Восторг был не от ужаса — от осознания, что именно она первой рассказывает об этом герцогу Блэквуду.

— И министр нападавшую убил, — торжествующе добавил её муж. — Наш племянник, комиссар, был на месте.

Кайл вежливо выслушал, поблагодарил, расплатился за весь столик и поспешно покинул кафе.

У выхода его догнал довольный и одновременно презрительный шёпот дамы:

— Побегал глазеть на тело. Извращенец.

Герцог даже не улыбнулся. Он был раздражён. Кофе в ко-

фейне оказался отвратительным — как и весь завтрак. Но в ближайший месяц Кайлу всё равно предстояло питаться в ресторанах. Во-первых, это был лучший способ быть в курсе всего, что происходит в Столице. А во-вторых, у его повара было задание куда важнее готовки.

День выдался насыщенным. Поход в морг, затем заседание парламента, на котором снова пришлось присутствовать.

Теперь Кайл сидел в пустой столовой и медленно помещивал нечто, что с большой натяжкой можно было назвать чаем. Он вздрогнул, когда в дверях появился Варди.

— Приготовишь поесть? — прозвучало не как приказ, а как почти детская, совсем не герцогская просьба.

— Ой нет, Ваша милость, — отмахнулся гигант. — Я слишком устал. Сегодня буду потчевать вас информацией.

Кайл разочарованно выдохнул, но всё же отставил чашку и уселся поудобнее.

— Эдварда срочно отправляют на Север, — продолжил Варди, снимая плащ. — Жаль. Пара и правда красивая.

— Очень трогательно, — сухо заметил Кайл.

— Я теперь буду приглядывать за Софией, — добавил повар как бы между прочим.

Кайл приподнял бровь.

— То есть задания теперь сам себе выдаёшь?

— Она не так проста и наивна, как кажется, — спокойно ответил Варди и бросил на стол свиток, перевязанный лен-

той. — Совсем не Люци².

Кайл тут же развернул его. Пусто. Он раздражённо выдохнул.

— Придётся поковыряться в лаборатории.

— Она бросила это в уличный почтовый ящик, — пояснил Варди. — А через два часа ящик исчез.

— Хорошо. Следи, — кивнул Кайл и тут же спросил: — О Первом Министре слышал?

Варди молча кивнул и опустился на стул, который жалобно скрипнул под его весом.

— Девчонка в морге своей магией не смогла бы убить и комара, — сказал Кайл наконец. — Лицо ей стёрли специально. Я серьёзно... Буквально.

Варди медленно выдохнул.

— Зато на поминки я сходил не зря, — продолжил герцог. — Теперь я знаю, как пахнут чары убийцы того лорда.

Варди уточнил:

— Думаете, гетера?

— Не думаю, — покачал головой Кайл. — Но проверить стоит. Придётся обойти каждый столичный Дом Гетер.

Он нарочито страдальчески поднял глаза к потолку.

— Опять будут говорить, что я пустился в разврат.

— Я распространю этот слух, — хохотнул Варди. Тяжёлый

² Люци — древняя богиня света. Символизирует доброту и наивность. Оказалась заперта в хребте Люци Гёхте. Больше о ней в интерлюдии «Запретное чтиво».

звук на миг разогнал мрак в столовой.

— Лучше давай напишем нашему Эдварду, — сухо отрезал Кайл. — Он и так разрывается на Севере.

Герцог сделал паузу. Усмешка исчезла.

— Теперь ему придётся приглядывать ещё и за Малышом.

Так между собой они называли Эдварда Стоунфилда.

— Надо понять, зачем Саэль внезапно разлучил голубков.

Дни полетели со страшной силой. Расписание герцога было забито до предела. Он сделал всё, чтобы обойти все Дома Гетер как можно быстрее — и при этом не вызвать ни малейших подозрений у высшего света.

Утром Кайл завтракал в самых людных кофейнях — отвратительный кофе, превосходные слухи.

Обедал уже в более интимной обстановке одного из Домов Гетер, в компании двух-трёх одарённых красавиц, чьи лёгкие, отточенные беседы были куда информативнее допроса. Он тщательно прислушивался к магической силе каждой, но даже самые одарённые не были и на треть столь сильны, как убийца несчастного лорда.

Ужин — с другой парой девушек на каком-нибудь модном представлении, где под прикрытием скупающего взгляда он мог хотя бы на час сомкнуть глаза.

Ночами герцог корпел над загадочным письмом Софии. И это письмо сводило его с ума. Оно оказалось куда искуснее, чем он предполагал. Что бы Кайл с ним ни делал — нагрел-

вал, охлаждал, пропускал через реагенты, пропитывал чарами — бумага оставалась пустой. Ни символа. Ни следа. Будто письмо существовало только для того, кто умел его читать.

Ах да. Ещё одним спасительным островком для сна оставались заседания Парламента.

— Это возмутительно! — раздался визгливый, задышающийся голос. — Я не намерен оставаться здесь, пока позволяют выступать... всяким!

Кайл вздрогнул и лениво потянулся, возвращаясь в реальность. Он обернулся. А. Этот.

Линеманн.

Красный, как перезрелый томат, барон уже почти сорвался со своего места. Низкорослый, пухлый мужчина двинулся к выходу из зала, и несколько других парламентариев — из солидарности или трусости — тоже поднялись.

Но их остановил голос. Тихий и ледяной.

— Вам придётся остаться, — сказала девушка за стойкой. — Потому что я выношу на обсуждение вопрос о лишении места в парламенте барона Линеманна.

В зале стало так тихо, что было слышно, как кто-то нервно вдохнул. Барон замер. Его лицо сначала побледнело, затем снова налилось краской. Он открыл рот — и не смог вымолвить ни слова.

Фиона Элени, Глава Восточного Дома Гетер, очаровательно улыбнулась и продолжила.

— Вы сократили финансирование образовательного проекта в медицине в провинции Эналь. В отчётах вы утверждали, что мужчины-врачи вполне могут принимать роды.

— Именно! — взвизгнул Линеманн. — Мы никогда раньше не учили девок медицине, и всё было...

— Никогда в стране не было так мало магов, — жёстко пресекла его Фиона.

Её пронзительно-голубые глаза прожигали дыру в бароне-овоще.

— С начала вашей «оптимизации», а это всего шесть месяцев, погибло более семидесяти рожениц. Почти половина из них обладали магическим даром. А две трети имели в роду магов — а значит, могли произвести на свет одарённых детей.

— Это ещё не доказано...

— Таким образом, — спокойно продолжила Фиона, — я вижу в ваших действиях измену Империи, ведь...

— Да как ты смеешь, ш—!

Барон захлебнулся ругательствами. Истерика поглотила его настолько, что он не сразу услышал голос Первого Министра. Альрику пришлось стукнуть кулаком по столу, чтобы Линеманн замолчал.

— Вот почему мы общим решением ввели госпожу Элени в Парламент, — произнёс Альрик фон Хайд. — Всё же о делах женщин разумнее спрашивать их представительниц.

— И пускаете меня на заседания через раз, — холодно

улыбнулась Фиона, а затем бросила в Министра кокетливо-обиженный взгляд.

— Мы не хотим отнимать слишком много вашего драгоценного времени, госпожа, — твёрдо ответил он. — К тому же дела женщин обсуждаются здесь не так часто.

Он обвёл взглядом зал.

— Инициативу поддерживаю. Голосуем.

— Ваша светлость, а вы что думаете? — встревоженно обратился к Кайлу сидящий рядом древний лорд Берман.

Кайл даже не потрудился выпрямиться.

— Что тут думать, — лениво ответил он. — Преступление — сказать «нет» такой прекрасной даме. Мы же джентльмены.

Старичок нахмурился ещё сильнее.

— Я думал, что уж ничего удивительнее того, как гетера выгнала барона из Парламента, не произойдёт, — протянул Кайл. — Но, как ты знаешь, отца Анны убили.

Герцог сидел в столовой. Точнее — развалился на стуле, закинув ноги на стол (без обуви, конечно). Варди мрачно смотрел на эту позу, но замечаний не делал. Сдерживался.

— Говорят, его жена вышла из себя, — процедил повар.

— Глупости, — отмахнулся Кайл. — Они просто не хотят «охоты на ташей³». Стоит снова сказать, что подозревают

³ Охота на ташей — печальный эпизод из древней истории Империи. Местный народец — Глары — пытался истребить этих животных, но в результате погиб

гетеру, и начнётся.

Он с неудовольствием глянул на валяющийся на полу свиток.

— Ничего я не смог из него выдавить.

В этот момент дверь распахнулась, и в столовую влетел Ульф. Светловолосый, голубоглазый, шестнадцатилетний вихрь энергии.

— Отец! Завтра у нас в академии скачки. Можно мне участвовать? Я подзаработаю! — Он поклонился герцогу на бегу, но весь его восторг был адресован Варди.

— О, — добавил он вдруг, заметив свиток, — это к удаче.

Он наклонился, поднял свиток и протянул его Кайлу. Герцог оживился и сел ровнее.

— Почему к удаче?

— Так это же значит «всё получилось», — пояснил Ульф.

— Видите, лента розовая.

Кайл побледнел. То ли от того, что наконец появилась зацепка. То ли от осознания собственной глупости.

— У всех почтовых свитков есть ленты, — медленно сказал он.

Ульф хитро прищурился.

— Э, нет. Эта — нестандартная. Видите следы? Ленту заменили.

В столовой повисла тишина.

сам. Когда таши пугаются, они создают молнию, поджигая пространство вокруг себя. Больше о ташах в интерлюдии «Запретное чтение»

— Варди, — сказал Кайл, не отводя взгляда от свитка, — разреши ему участвовать в скачках.

Он поднял глаза.

— И можете взять любую лошадь.

— Кажется, я успел к ужину, — чопорный голос Эдварда оборвал восторг Ульфа.

Мужчина явно воспользовался телепортом: снег на меховой шубе ещё не успел растаять, холод тянулся за ним в комнату. Варди молча развёл руками и предложил разогреть остатки говядины.

Уокер кивнул, снял шубу и передал её Ульфу. Тот немедленно вышел из столовой.

— Купил два дома. Телепорты установил. Проверил — работают. От самой северной точки до Столицы теперь сутки пути.

Он сел рядом с хозяином дома и продолжил так же ровно:

— Что касается зверя... по всем свидетельствам, мы, скорее всего, охотимся за женщиной.

Варди присвистнул.

— Неужели тайное общество всё-таки организовали гетеры?

— Не будем делать поспешных выводов, — поднял руку Кайл, останавливая его.

— Малыша отправили на Север, — сухо добавил дворецкий. — Проверить источник мощной магической вспышки. Информаторы не самые надёжные, но есть основания пола-

гать, что зверь тоже заинтересовался этим происшествием.

Кайл резко поднялся.

— Точно. Вспышка. Я совсем забыл.

Он нахмурился, словно собирая в голове детали.

— Надеюсь, никто не стирал мой дорожный камзол...

Варди опустил взгляд и отрицательно покачал головой. В этом доме стирали только то, что отдавали в стирку.

— Там была чужестранка, — продолжил Кайл уже на ходу, будто говорил сам с собой. — Говорила, что из очень далёких мест. От неё фонило мощнейшей магией...

Он остановился.

— И, кстати, её тоже звали Анна.

Герцог развернулся и прошёлся по столовой.

— Я проверю её волосы. А вы устройте мне встречу с этой Фери.

— Невестой Малыша? — уточнил Варди.

— Да.

Кайл уже шёл к выходу.

— Я не буду ужинать.

Остаток ночи Кайл провёл в лаборатории. Без спешки, без суеты разложил инструменты на огромном столе. Он осторожно достал из камзола платок с рыжим волосом и опустил его в мерцающую голубым субстанцию. Жидкость приняла волос сразу — мягко, без сопротивления, будто знала, что с ним делать. Затем Кайл перенёс объект на плоскую доску, изрезанную табличками с символами, знаками родов и ста-

рыми обозначениями. Со стороны она напоминала доску для гаданий, но здесь не было ни игры, ни случая.

Затем он медленно насыщал конструкцию своей магией. Ровно, дозировано, не позволяя силе сорваться или ускориться. Это был не его приём — и никогда им не был. Метод принадлежал его матери.

В детстве она показала, как с помощью их дара можно узнать, к какой магической семье принадлежит человек. Не имя, не титул, определить происхождение — то, что не меняется ни при каких обстоятельствах.

Кайл наблюдал, как символы на доске едва заметно сдвигаются, реагируя на присутствие чужой силы.

— Что ж, — тихо произнёс он, — посмотрим, действительно ли ты родилась так далеко, как утверждаешь.

Глава 2. Новая клетка Анны

Дорогу Аня помнила как нечто вязкое и рваное, словно сон, который всё время обрывается. Бесконечная тряска. Потом её поднимали на руки — неловко, но крепко. Вспышка. — Телепорт... — догадалась девушка. Снова тряска кареты. Снова вспышка.

Её тело было чужим, непослушным, будто налитым свинцом. Временами она слышала тонкий, встревоженный писк — котёнок. Этот звук был единственной нитью, связывающей девушку с реальностью. Она пыталась цепляться за звук, силилась собрать волю, понять, куда и зачем её везут. Но в какой-то момент силы иссякли, и Аня рухнула в бездну небытия.

Очнулась она на кровати. Первое, что почувствовала, — жар. Она была вся в поту, липкая и разбитая. Всё в том же строгом синем платье. Сверху — одеяло.

Голова раскалывалась так, что любое резкое движение отзывалось вспышкой боли. Аня зажмурилась, медленно вдохнула и так же медленно села. Комната. Огромная комната — здесь бы поместилась вся её саратовская квартира.

Три высоченных окна, занавешенные плотными шторами. Тёмные, расписные обои на стенах. Камин с мраморной отделкой. Воздух сухой, тёплый, пахнет камнем и чем-то съе-

добным.

Аня спустила ноги на пол и вздрогнула — плитка была ледяной. Девушка сделала пару шагов — и в этот момент дверь открылась. На пороге стоял светловолосый гигант в милом расписном фартуке. Аня моргнула.

— Это что... за косплей Тора? — прошептала она, покачавшись.

Здоровяк заметно напрягся. Он смотрел на неё не как страж, а с каким-то растерянным, почти виноватым вниманием.

— Вам... помочь раздеться? — выдавил он, стараясь говорить как можно вежливее. И, кажется, сам смущался больше неё.

Аня фыркнула, хоть это и отдалось болью в висках.

— Ну уж нет. Я как-нибудь сама.

Он поспешно отступил на шаг, обратно за порог.

— Ваша ванна — за той дверью, — он указал рукой. — Мы... у нас тут нет служанок. Я оставил вам свежее платье. Там.

Он помолчал, потом добавил уже тише:

— Вы спали больше суток. Вам бы поесть.

Сутки. Аня медленно переварила эту информацию. Голод был тупой, всепоглощающей пустотой где-то под рёбрами, но мысль о еде вызывала тошноту. Она выпрямилась, насколько позволяла голова, и кивнула.

— Я дойду, — сказала она. — Спасибо...

Гигант кивнул в ответ — с облегчением. Он аккуратно закрыл дверь и тут же снова распахнул её:

— Ваш кот! Он у меня на кухне. Спускайтесь, как будете готовы. Он там такое...

На лице гиганта расплылась глупая улыбка, но увидев, что Аня никак не отреагировала, он снова закрыл дверь, на этот раз окончательно.

Аня проковыляла в ванную комнату. Та оказалась неожиданно яркой по сравнению со спальней. Пол и стены были выложены мелкой плиткой насыщенных цветов — с восточными узорами, неестественно живыми для этого мира. Одна стена была полностью зеркальной. Здесь тоже оказалось огромное окно, а прямо напротив него — ванна. И наконец, в углу — похожий на привычный ей унитаз. Даже сердце екнуло от нелепой благодарности за эту крошечную, такую важную частичку нормальности.

Босые ноги ощутили приятное, ровное тепло. Пол здесь каким-то образом подогревался. Роскошь, продуманная до мелочей. Чтобы пленница не простудилась, — ядовито подумала Аня.

Умывальник стоял прямо у входа. Девушка поспешила им воспользоваться — умылась ледяной водой, смывая пот и липкий ужас дороги, и только потом рискнула взглянуть на себя в круглое зеркало над раковиной. Оно было расположено так, что отражало и её лицо, и всю её фигуру в большом зеркале позади. Эффект был странным, будто она застряла

между двумя реальностями.

— Что ж, — пробормотала Аня, — на мне вся одежда. А значит, никаких магических наследников заделать не пытались.

Это немного успокоило. Вспыхнул образ Эдварда, как отчаянно он пытался отбить её у герцога. И в Сайрам он бросился за ней. И ведь при этом он помолвлен... Дикая смесь чувств сжала рёбра. Аня встряхнула головой, отгоняя мысли. В ответ в виски ударила тупая боль. Девушка растерянно оглянулась.

В комнате стоял шкаф со стеклянными дверцами и комод на колёсиках, уставленный множеством баночек. Запахи — тёплые, травяные, непривычные, но не резкие.

Несмотря на слабость, первым делом девушка разложила ширму, сложенную в дальнем углу, и установила её перед окном. Мало ли. Только после этого она набрала горячую воду, плеснула мыла и щедро насыпала соли. Пар поднялся густой и влажный, обволакивающий.

Синее платье снимала с остервенением — ткань жалобно трещала по швам, и Ане даже хотелось, чтобы оно порвалось окончательно. Чтобы не осталось ни единого кусочка этого проклятого вечера. Снова вспыхнуло в памяти отчаяние в глазах Эдварда.

Выдохнув, Аня опустилась в воду. Она провела пальцами по запястью — по следу знака. Кожа там всё ещё ныла, отзывалась тупой, противной болью.

— Ну почему в этом мире всё так больно...

И, глядя в мутную от соли и пены воду, добавила уже злее:

— Неужели нельзя было сделать, например, сводилку?

Девушка погрузилась в воду с головой, пытаясь смыть с себя не только грязь, но и чувство беспомощной ярости. Когда вынырнула, отдышалась и откинула мокрые волосы. Так гораздо лучше.

Чистое платье висело на крючке рядом с полотенцами. Оно оказалось великовато — но приятное к телу: плотное и тёплое. Тёмно-серое, мягкое, с декоративной корсетной вставкой, которая ничего не утягивала и не сковывала движений. Широкие рукава напоминали халат. Зона декольте была закрыта сборками, так что платье можно было надеть без нижнего белья — то всё равно пропиталось потом и неприятно липло к коже. Надевать такое Аня не собиралась.

Аня надела платье, закатала рукава и несколько раз прошлась по комнате кругами, прежде чем решилась выйти. Девушка сжала руки в кулаки: всё её богатства — включая кошелек Эдварда, телефон, даже обувь — остались в Доме гетер. Девушке отчаянно не хотелось идти босиком по холодному полу, но она порылась в шкафах и ничего подходящего для ног не нашла. Пришлось шлепать так, вздрагивая при каждом шаге.

Вышла в коридор — и удивлённо замедлилась. Тот оказался обычным, даже скромным. Никакой галереи, никаких бесконечных ковров и статуй. Просто стены, двери, лестница

вниз. Сильный контраст после элегантной ванной комнаты.

Девушка прошла прямо, спустилась по ступеням — и сразу зацепилась взглядом за огромную входную дверь. Огляделась, потом быстрым шагом подошла к двери и дёрнула ручку.

Открыто.

За дверью — шумная пешеходная улица, очень похожа на бульвар. Каменная мостовая, лавки, прохожие, чинно шагающие мимо по снежной слякоти. Несколько пар глаз тут же обернулись на неё — с любопытством, без агрессии.

— Здравсти... — неловко кивнула Аня в пустоту и тут же захлопнула дверь. Постояла секунду, прижавшись лбом к холодному дереву.

— Ладно, — пробормотала она. — Это потом. Сначала поесть.

Дальше по коридору обнаружилась столовая — длинный стол, множество стульев: пусто и тихо. Запах еды тянулся откуда-то совсем рядом. Открывая все двери подряд, Аня наконец нашла кухню. Ноги уже окоченели, девушка прыгала от ковра к ковру, чтобы хоть немного согреться.

Часть помещения кухни занимал зимний сад-теплица, и из-за этого здесь царил атмосфера дачи. Пахло теплом, землёй и зеленью. У огромной печи стоял тот самый верзила и что-то сосредоточенно мешал в сковородке. Время от времени он поворачивался к сидящему на столе котёнку и махал над ним рукой.

— Вообще-то нехорошо, что ты сидишь на столе, — проворковал он отвратительно-умилительным голосом. Аккуратно взял котёнка в ладони — и в этот момент обернулся прямо к Ане. Застыл. Так, будто его поймали на месте преступления.

— Эдвард уже покушал, — тихо сказал гигант. Аня моргнула.

— Эдвард?

Он кивнул, глядя куда-то мимо неё.

— Его Светлость сказал, что котёнка зовут Эдвард.

Котёнок пискнул — будто подтверждая. Анна вдруг поняла, что улыбается.

— Ну, Эдвард так Эдвард, — кивнула, вспоминая, как в бреду сама так назвала котёнка.

В коридоре прошмыгнул силуэт. Аня даже подумала, что ей показалось. Но герцог Блэквуд, а это был именно он, вернулся и насмешливо взглянул на босые ноги девушки. Одну ступню Аня уперла в колено под платьем, но другая-то осталась на виду.

— Каюсь, в этом месяце я изрядно потратился... — герцог обращался к блондину, — Но так экономить... это жестоко даже для тебя, Варди.

Громила проследил за взглядом собеседника и залился красным. Он вдохнул, чтобы ответить, но герцог быстро ушел, не слушая. В холле хлопнула тяжёлая входная дверь.

— А когда я должен? Сделай то, сделай сё. Ужин приго-

товь, шпионов найди, туфли подбери.

Верзила с искренней обидой запричитал, суетливо помешивая нечто очень вкусное, в конце концов совсем разозлился и с гневом бросил прихватку.

— А мне можно поесть?

Протянула Аня за спиной Варди и тот вздрогнул. Девушка уже уселась на стул у обеденного стола, подняла ноги и спрятала их под платьем.

— Конечно, простите — великан рассыпался в извинениях, и это совсем не сочеталось с его грозным видом. — Я не знал, что вы любите, поэтому приготовил всего понемногу. Может, вам будет удобнее обедать в столовой?

— Нет, — Аня огляделась и кивнула в сторону зимнего садика. — Здесь приятнее.

Сквозь стеклянную низкую крышу, местами прихваченную льдом, красиво преломлялись лучи света. Они ложились на стол мягкими пятнами, будто кто-то специально выставил их так, для уюта. Молодая зелень освежала взгляд.

— Да, это правда, — улыбнулся Варди с видимым облегчением. — Но вечерами столовая всё-таки лучше. Там камин красивый.

Он начал расставлять вокруг тарелки и чашки. Запахи ударили сразу — так, что у Ани мгновенно скрутило живот. И только сейчас она по-настоящему осознала, насколько голодна. Ела жадно, почти не разбирая вкуса: котлетки, какие-то замысловатые салаты, фаршированные помидоры.

Тёплая, нормальная еда возвращала силы в тело быстрее любых слов. Но вместе с силами приходили и страхи относительно нового её положения.

— Его Светлость никогда раньше не привозил сюда женщин, — сказал Варди осторожно, наблюдая за гостьей краем глаза. — Так что первое время может быть... неловко. Но вы только скажите — мы всё сделаем, как вам нужно.

Аня подняла на него взгляд и улыбнулась. Надобно с этим Тором подружиться.

— Я Анна.

— А я Варди! — широко улыбнулся верзила в ответ. — После обеда приедет портниха. Закажете всё, что нужно. А то вам так на улицу даже нельзя. Это домашнее.

Аня на мгновение замерла.

— А в не домашнем мне... можно? — серьёзно спросила она.

— Почему нет? Ну да, по этикету не положено, — Варди сел напротив неё с видом самой заядлой сплетницы. — Но у Его Светлости такая репутация, что вам, считай, всё можно.

Хохотнул. *Так-так.*

— Если важно, я могу вас везде сопровождать. Или Эдварда попросим...

— Котёнка? — не поняла Аня. Сердце больно ёкнуло, всё же не очень удачное имя для котёнка.

— Да нет же, — рассмеялся Варди. — Тут живёт старина Эд. Вы с ним позже познакомитесь. Он сейчас занят.

«Слишком много Эдвардов...» — девушка скривилась.

Варди вскочил, унося опустевшую тарелку из-под морковной закуски, и добавил уже тише, почти задумчиво:

— Его Светлость бросился за вами в такой спешке... вы бы видели. Я, если честно, и не думал, что здесь когда-нибудь будет жить женщина.

Изначальным планом Ани было сбежать из дома, полного Эдвардов, как только портниха уйдёт. Но девушка так вымоталась, что решила повременить. К тому же, бежать разумнее с гардеробом, а не в домашнем платье. Одежду обещали привезти через два дня — срок терпимый. За это время она надеялась разузнать, где проживает Стоунфилд. Он, конечно, ничего ей не был должен и все же оставался единственным, кому девушка верила и кого могла попросить о помощи.

Набор тапочек — войлочные калоши разных размеров — Варди притащил ей к вечеру по первой же просьбе. И нашёл так быстро, хотя, казалось, что плохо понимал описание.

Пока оставалась одна (Варди как раз отправился за обувью), Аня, не смущаясь, обошла каждый уголок дома. Обнаружила пустую круглую комнату, несколько спален, заглянула даже в подвал-лабораторию. Никаких пыточных и инструментов для увечий не нашла — уже хорошо. Теперь, зная о чёрных ходах и потайных лестницах, девушка почувствовала себя чуть увереннее. Вообще она заметила, что после «магических вспышек» реагировала на происходящее вокруг, ку-

да спокойнее, чем должна была бы.

— То есть, мы должны носить дома вот это? — с серьёзным, почти научным видом уточнял Варди, рассматривая пару серых мягких калош. И, не дожидаясь ответа, с готовностью сбросил свои массивные ботинки. Аня и гигант расположились в холле на диване. Рядом — гора новеньких теплых тапочек. Девушка выбрала светлую пару и с удовольствием надела — внутри была мягкая овчина.

— Да, так делают в моей стране. Переобуваются в домашнюю обувь: тогда пол гораздо чище, меньше бактерий и вирусов.

— Вирусов? — не понял Варди, натягивая тапочек на свою гигантскую ступню.

В этот момент на лестнице, ведущей в верхние комнаты, показался сам герцог. Аня удивлённо захлопала глазами. Он вошёл не через парадную дверь.

— А почему он там? — она обернулась к Варди, указывая на вход.

— Так телепорт в коридоре на втором этаже, — услужливо объяснил великан. Аня прищурилась — так вот для чего тот сияющий чулан.

— Магии вы не обучены, манерам тоже... — откашлялся хозяин дома сверху. Аня с сомнением поднялась и присела в лёгком книксене.

Варди схватил одну пару тапочек и спешно поднялся к говорившему. Тот застыл на верхней ступеньке. Он осматри-

вал её так, будто оценивал, бесстыдно скользя взглядом от лица до самых ступней.

— Ваша Светлость, теперь у нас домашняя обувь, — Варди бросил тапочки к его ногам.

— Что? — Кайл сморщился, сделав шаг назад, но Варди уже присел и поймал его ногу.

— Ваша Светлость, это для удобства дамы! — с усилием повар стянул с ноги герцога дорогой сапог и надел тапочек. Второй сапог, с ледяным презрением на лице, Кайл снял сам и опустил ногу в калош.

— Я пойду в свою комнату, если, конечно, я больше ничего не должен сделать для удобства дамы...

— Пока нет, Ваше Сиятельство, — Варди вручил ему в руки грязные сапоги, будто трофей. Великан довольнo улыбался: быть может это месть за утреннее замечание?

Сама Аня стояла всё это время молча. Вопросов в голове было множество. Кто Блэквуд такой? Зачем купил её? Что это вообще значит, что её купили?

Но Аня боялась, что открыв рот, только усугубит своё положение и пока решила понаблюдать. Блэквуд уже обещал ей однажды повлиять на власти северного городка, но кинул её. Лучше всего просто продумать план побега.

Герцог, окинув гостью ещё одним холодным взглядом, развернулся и скрылся из виду. Аня успела выдохнуть, но Блэквуд неожиданно вернулся. Он медленно и одновременно беспечно спустился по лестнице, уже в своих нелепых та-

почках. Варди к тому времени вышел на кухню. Аня даже отступила на шаг. Казалось бы, повар или кем здесь работает гигант, был массивнее — одной рукой мог бы переломить шею девушке, но оставаться наедине она боялась именно с герцогом.

— Если вы вдруг решили бежать, — спокойно сказал Блэквуд, перекладывая сапоги под мышку, — Это очень глупая идея.

Аня напряглась, силой воли заставила себя больше не отступать.

— Эдвард уже оформил бумаги. Любой маг увидит, что вы — моя.

Мужчина подался вперёд и схватил девушку за запястье. В тот же миг под пальцами кожа вспыхнула знакомой, рвущей нервы вспышкой боли. Аня ахнула, пытаясь вырваться, но хватка была железной. Поверх бледного, голубого знака Дома Гетер — круга с двумя листиками герберы — проступил, новый, замысловатый символ. Похожий на причудливый герб: какая-то птица с когтями или пасть зверя... рассмотреть Ане не удалось.

— А-ай! — взвыла она, приседая от боли и зажимая руку второй ладонью. Слезы выступили на глазах. — Да твою ж... Что ж у вас всё так больно!

— Кайл! — в столовую вбежал напуганный Варди, снова в фартуке. — Ну что вы делаете?! У вас так никогда не будет жены!

Герцог даже не повернул головы.

— Мне жаль, — сказал он ровно. — Но по-другому не предупредить.

Кайл развернулся и спокойно пошёл наверх.

В гневе, на волне адреналина Аня бросилась на улицу. Прямо в своих серых, войлочных тапочках.

Холод ударил сразу — в щиколотки, в лицо, в грудь. Бульвар был оживлённый: неспешно прогуливающиеся пары, почтенные леди в красивых пальто, мужчины в аккуратных цилиндрах. И все они... шарахнулись.

Люди отступали от неё так поспешно, так неловко, будто она была заразной. Кто-то едва не уронил трость, кто-то резко свернул, прижимая к себе спутницу.

Их лица отражали не сочувствие к полураздетой, почти босой девушке, а чистый, животный испуг, смешанный с безгливостью.

Шёпот, шипящий и дружный, поднялся ей вслед:

— Разве это не заброшенный дом герцога?..

— Очередная его жертва вырвалась, что ли?..

— Старовата вроде, для его вкусов...

— Как она одета...

— Да не старая я! — вскрикнула Аня, оборачиваясь к морю отстранённых, чужих лиц. Её голос, хриплый от крика и обиды, прозвучал жалко и громко, точно выстрел игрушечного пистолета на поле боя. Никто не ответил. Люди просто обходили дикарку и спешно торопились по своим делам,

иногда озираясь на бесстыдницу.

Аня развернулась и вернулась в дом, хлопнув дверью так, что стекло дрогнуло. В холле, на диване у входа, сидел Варди. Он держал в руках новую пару тапочек.

— Хотите переобуться? — осторожно спросил он.

Аня с раздражением скинула мокрую обувь. Сунула ноги в новые тапочки и даже не посмотрела на верзилу. Ни слова. Ни взгляда. Просто прошла мимо и поднялась к себе. Девушка бросилась на кровать и наконец разрыдалась. Она не знала, что ей делать дальше.

Проснулась глубокой ночью от настойчивого стука в дверь. Сначала не поняла, где находится, потом с досадой вспомнила. Она встала, не включая свет, и подошла к двери, кожей ощущая, насколько опухло лицо. Щёки тянуло, глаза жгло — слёзы не прошли бесследно.

На пороге стоял Варди. Сгорбившийся, он буквально стал меньше в размерах. В руках — чашка.

— Прислали лекарство... — промямлил, не поднимая взгляда.

Аня сразу поняла, о чём речь.

— Я не пью его.

Варди замялся, всё-таки поднял глаза. В них было сомнение и даже тревога.

— И вам... ничего не будет? — спросил он неуверенно.

— Да, — ответила холодно Аня. — Ничего.

— Она не принимает лекарство, — раздался из коридора

голос герцога. — Не переживай, Варди. Ломки у неё не будет.

Блэквуд подошёл ближе и бросил на Аню быстрый, равнодушный взгляд. Она не успела отвернуться: их взгляды встретились на долю секунды. А ведь знала, как выглядит зарёванная, помятая, с опухшим лицом. Жалкая. Запястье всё ещё ныло.

Герцог задержался на пороге. Будто подбирал слова, но так ничего и не произнес. Он просто протянул руку, аккуратно прикрыл дверь. Аня осталась одна, не понимая, так Блэквуд ей друг или враг?

На завтрак девушка спустилась, как только почувствовала запах еды. Она провела полночи в размышлениях, ходя по комнате и разговаривая сама с собой. Слезы высохли, оставив после себя холодную, ясную решимость. Девушке нужен был план и она пыталась его сострять из того, что было.

Волосы она убрала в тугую косу — это делало её образ собраннее, серьёзнее. Выводы, к которым она пришла, тоже были просты и ясны:

Во-первых, Фиона Элени ловила беглянок на Севере. Или помогала им — неважно. Важно, что обойти систему меток можно. Надо только выяснить — как.

Во-вторых, нужно понять, что именно от неё нужно этому герцогу. Раз уж он отвалил за варварку Анну целое состояние, спешил через всю страну на ее посвящение лично — значит, не просто так. Возможно, с ним можно было догово-

ряться. Особенно, если Эдвард был прав и герцог намеренно отпустил свою наложницу, распространив слухи о её смерти.

С этими двумя вдохновляющими выводами в голове девушка и зашла на кухню. Там был один Варди, сосредоточенно крутящийся у плиты. Он не сразу заметил её. Аня воспользовалась этим и устремилась к котёнку, что спал клубком на стуле. С уколom вины она подумала, что совсем про него забыла вчера, в своём горе. Сегодня она устроит всё для питомца в комнате.

— О, доброе утро, Анна, — обернулся наконец Варди. На его лице всё ещё читалась неловкость после ночного инцидента. — Я приготовил вам ромашковый настой... Может помочь с... отеками.

— Спасибо, — кивнула девушка, её взгляд упал на бу-мажную кипу на краю стола. — Это газеты?

— Да, свеженькие.

Аня уже потянулась к стопке, когда позади раздался знакомый низкий голос:

— Возможно, даме не стоит...

Герцог прошёл прямо мимо девушки, ленивым движением забрал всю кипу из-под её руки и принялся бегло листать верхнюю газету. Он был одет с небрежной строгостью: бежевая рубашка, темно-синие брюки, на лице — следы усталости.

Аня обещала себе сдерживаться. Быть хотя бы сговорчивой, если не послушной. Но вид того, как этот... Его Сия-

тельство так легко отнимает даже самую малость — доступ к информации, — пересилил благоразумие. Она резко шагнула вперёд и с силой вырвала стопку обратно, прижала трофей к груди.

— Мне что и новости нельзя читать? — прозвучало вызывающе, драматичнее, чем хотелось бы.

Кайл медленно поднял на неё взгляд. Не гневный, а скорее усталый.

— Почему же, можно, — сказал он, закатывая глаза с выражением человека, объясняющего очевидное ребёнку. — Просто вам может быть... неприятно.

Герцог как ни в чем не бывало обратился к Варди:

— Я буду завтракать здесь.

— Тогда я в столовой, — вскинула подбородок Аня и, не дожидаясь ответа, развернулась и удалилась в соседнюю комнату, крепко сжимая драгоценную стопку газет.

С её уходом в кухне повисла тишина, которую нарушил лишь тихий, одобрительный смешок Варди. Он снова отвернулся к плите, скрывая улыбку.

Однако, уже спустя несколько минут Аня вернулась в кухню. В руках она сжимала один газетный лист, сложенный так, что была видна главная новость. Лицо девушки было бесцветным, в глазах растерянность.

— Получается... — голос дрогнул. — Эта девушка погибла из-за меня?

Она смотрела в упор на герцога. Не обвиняя — и не прося

оправданий. Просто и прямо. Тот лениво покачал головой.

— Конечно, нет, — сказал он твёрдо. — София Фери умерла из-за идиотских действий Эдварда Стоунфилда.

Варди выронил лопатку.

— Что?.. — он резко обернулся и грубо выхватил газету из рук Ани. — София погибла?!

Девушка машинально кивнула. Она всеми силами пыталась справиться со своей реакцией, но ледяной ужас растекался где-то ниже желудка. К собственному стыду, она больше боялась, чем сожалела. Боялась своих мыслей, что теперь Стоунфилд свободен.

— Здесь написано... что она... — Аня сглотнула. — Не выдержала оскорбления жениха.

Пауза.

— Но я ничего не понимаю. Эдвард был там по службе. По крайней мере, так он говорил.

Кайл устало выдохнул — будто уже объяснял произошедшее кому-то ещё.

— Но об этом знали только вы, — сказал он. — А вот его невеста и её семья — нет.

Герцог чуть наклонился вперёд, опираясь ладонями о край стола.

— Представьте: помолвка. Только объявили. И трех месяцев не прошло. А жених ещё до свадьбы выкупает наложницу.

Кайл многозначительно развёл руками.

— Ничего противозаконного, разумеется, — добавил герцог сухо. — Но как минимум... неромантично.

Аня вздрогнула.

— А потом, — продолжил Кайл, — дерётся на дуэли за какую-то...

Он на мгновение запнулся.

— ...эту наложницу. И в процессе разносит полгорода. Это уже не мимолетная интрижка, а что-то неприличное. Возможно, любовь.

Герцог откинулся на стуле, внимательно наблюдая за реакцией своей наложницы. В кухне стало очень тихо, только масло шипело в сковородках.

— Для семьи Софии это был плевок, — закончил герцог.

Варди пристально посмотрел на хозяина дома, но ничего не сказал. Напряжённо, с непривычной для его размера аккуратностью, он накрыл на стол для Анны. Она села завтракать напротив герцога, машинально перебирая еду. Мысли неотступно возвращались к Эдварду. Она всё это время отгоняла воспоминания о нём, но сейчас, с трепетом и болью, вспомнила их последнюю прогулку по северному городку, где он спас маленького Эдди — так она решила называть теперь кота.

Она, конечно, не имела права и всё же испытывала ощущение предательства, когда в кровавом храме узнала о помолвке Эдварда. Теперь же всё переворачивалось с ног на голову. В таких обстоятельствах Аня никак не могла обра-

титься к Стоунфилду за помощью. Она не посмеет. Вдруг, теперь он её ненавидит? Вдруг всё их общение на севере — обычная человеческая доброта с его стороны, а она приняла её за нечто большее. Получается, доброта Стоунфилда обернулась для него самой трагедией.

Аня остро почувствовала, что снова осталась одна во враждебном мире. Ей срочно нужен был «свой» человек. Кто угодно, кому она могла бы хоть немного доверять. Но как такого человека найти и как протащить в дом герцога?

Его Сиятельство тем временем с явным удовольствием уплетал колбаски. Ел с аппетитом, даже прикрывая глаза — словно наслаждение едой было единственным, что его действительно интересовало.

— Наконец-то, — сказал он удовлетворённо. — Варди снова на своём месте. Вы не представляете, как вам повезло. Я вот ещё недавно скитался по кафе.

Аня подняла внимательный взгляд. Он... что, пытался её отвлечь? Девушка ничего не ответила.

— Чуть не забыл, — добавил Кайл и протянул ей изящную книжечку в синем кожаном переплете. — Это вам.

Аня удивлённо приняла подарок и открыла. Книжка оказалась чековой. Девушка неловко положила её на край стола, не зная как реагировать. Должна ли она поблагодарить герцога?

— Да хватит уже трагедий, не нужно вам бежать к вашему Стоунфилду, — воскликнул мужчина, отрезая новый кусок

хлеба. Говорил он без хвастовства, слегка раздражённо, будто объяснял очевидное. — Вы, похоже, всё ещё не понимаете, как вам повезло, что вы здесь. Со мной.

Аня молчала. Машинально потёрла своё запястье. Движение не ускользнуло от герцога.

— Пройдитесь по магазинам. Сходите в театр. В бар, если хотите. Если хотите слыть приличной — берите с собой Варди. — он кивнул в сторону гиганта. — Хотите быть бунтаркой — ходите одна. Открывайте двери с ноги. Вам всё простят, как только вы покажете эту книжку.

Аня подняла взгляд. Она может и потрясена, но мозг пока не отключился.

— Зачем я вам? — спросила она прямо, глядя в глаза Своему Хозяину.

— Вы — часть большого плана, — легко ответил Его Сиятельство. — И я бы вам рассказал, — он на секунду задумался, или сделал вид, что задумался, — но, очевидно, вы не слишком умны, раз понадеялись на Стоунфилда...

Варди фыркнул — резко, недовольно, как будто Блэквуд был подростком, ляпнувшим лишнее, но снова промолчал. А вот Аня вспыхнула.

— Эдвард Стоунфилд, — прошептала она гневно, — кажется, единственный в этой Империи нормальный мужчина. С честью и достоинством.

— А как же Варди? — дружелюбно поинтересовался Кайл. — Мне показалось, вы сдружились...

Аня запнулась.

— Я... — она бросила быстрый взгляд на гиганта. — Я пока недостаточно его узнала.

Ей стало неловко. Варди и правда был добр к ней, а она его обижает.

— А с Эдвардом вы, значит, близки? — Кайл самодовольно улыбнулся. Аня почувствовала, как вспыхнули уши, а щеки налились жаром. Не придумав ничего лучше, она вскочила, схватила чашку с кофе и чековую книжку.

— Спасибо за завтрак, — буркнула девушка и сбежала из кухни.

— Быстро схватывает основы выживания: кофе и чужие деньги.

Уже в столовой Аня услышала приглушённый голос Варди:

— Зверь так и не вышел на связь?

— Выйдет, — спокойно ответил Кайл. — Как только наша птичка полетает вокруг клетки на всеобщем обозрении.

Аня остановилась на секунду, выдохнула и уверенно прошагала в свою комнату. От неё требовалось полетать? Хорошо, она взлетит как можно выше. Но сначала нужно было обзавестись хоть каким-нибудь союзником.

Глава 3. Проклятый герой

Поместье Стоунфилдов утонуло в трауре. Все окна были задрапированы чёрными шторами, сад — обычно ухоженный и живой даже зимой — стоял мёртвым. Даже птицы обходили это место стороной.

Эдвард Стоунфилд вернулся сюда несколько дней назад. Об этом знали — слуги, соседи, город. Но за все эти дни Секретаря никто не видел. Казалось, поместье стало пустым сразу после его возвращения — как будто хозяин растворился в собственных стенах.

Сегодня хоронили Софию Фери. Похоронная процессия должна была пройти мимо безжизненного поместья — Фери жили неподалёку, и маршрут был известен заранее. Но Стоунфилдов не уведомили ни о времени, ни о деталях. Посыл был предельно ясен: вас там не ждут.

Когда кортеж — почти десяток украшенных экипажей и чёрный катафалк — приблизился к мрачной обители Стоунфилдов, дорогу перекрыла карета. Скромная, без лошадей, без гербов, без траурных лент.

Процессия замерла. Люди выглядывали из окон, переговаривались, посылали слуг выяснить причину задержки. Вокруг дома начала собираться толпа — зеваки всегда чувствуют, где сейчас случится что-то важное.

Из остановившейся кареты вышел человек в белоснеж-

ном, почти ослепительном одеянии. Саэль Асмори. Верховный жрец шёл спокойно, неторопливо, будто всё происходящее — часть заранее написанного сценария. Его белизна резала глаз на фоне чёрных драпировок и траурных цветов. Он поднялся по парадной лестнице Стоунфилдов. И там, на глазах у процессии, у знати, у толпы, у всего города,

Саэль Асмори опустил на колени прямо на лёд, необрушенный со ступеней. Верховный жрец воздел руки к небу.

— Я — Саэль Асмори, — его голос, тихий и проникновенный, внезапно разнёсся по застывшей улице, достигнув каждого уха без крика, — могу лишь смиренно благодарить Небо за спасение нашей страны... и за её героя. Эдварда Стоунфилда.

Он сделал паузу. Достаточную, чтобы имя осело в головах.

— Грязные слухи, — продолжил Саэль и вдруг резко согнулся, будто его пронзила боль.

— Которые здесь распространяют нечестивцы... — его плечи дрогнули, — ...это ложь.

Толпа замерла.

— Эдвард Стоунфилд отправился на Север не по прихоти, не из порока и не из слабости, — голос Верховного жреца окреп. — Он действовал по долгу. По моему приказу. Чтобы обезопасить древний артефакт, способный уничтожить всю нашу Империю.

Жрец поднял голову.

— Мы, — Саэль чуть подчёркнуто выделил слово, — Цер-

ковь, получили страшное предзнаменование.

По знаку вперёд вышел слуга. В руках он держал деревянное ведро, объятые живым, пульсирующим синим пламенем. Оно не жгло древесину — оно пожирало сам воздух вокруг.

Толпа ахнула.

— Эдвард Стоунфилд, действуя тайно, — продолжил Саэль, — выяснил все детали и уничтожил это древнее оружие варваров. Оружие, что могло бы устроить катастрофу страшнее Трагедии Двадцать Первого!

Он раскинул руки.

— Встаньте на колени, — произнёс Жрец мягко, почти ласково. — И поблагодарите национального героя, что сегодня скорбит по своей невесте.

Толпа подчинилась. Сначала — простые горожане. Затем — знать. Люди склоняли головы, не глядя друг на друга. Опускались прямо на грязный снег, на лёд и в слякоть. На многих лицах появились слёзы.

Саэль тихо запел молитву. Мелодия обволакивала, лишала воли. Почти каждый в толпе теперь тихо плакал и если бы спросили их почему, то они бы ответили: от великого горя.

В этот момент в поместье произошло движение. Несколько окон посветлели. В одном из них, за полупрозрачной шторой, показался силуэт. Бледное лицо. Осунувшиеся черты. Эдвард Стоунфилд смотрел вниз пустым взглядом.

Огромные двери поместья распахнулись.

На парадную лестницу выбежал Гарри Стоунфилд, в ру-

ках он держал бархатную подушку для молитв. Мужчина не знал, предложить ли подушку Саэлю или правильнее настаивать, чтобы Жрец встал. Несколько секунд он неуклюже метался на лестнице.

— Ваше Святейшество! — воскликнул он, почти срываясь. — Прошу, вставайте! Вы же заболете!

Чуть поодаль, на почти пустынной боковой улице, за спонтанным поклонением наблюдал высокий молодой человек. Генри Мэлфой стоял, засунув руки в карманы тёмного пальто, и не двигался, словно был частью тени.

Он заметно похудел за последние недели. Скулы заострились, под глазами залегли тени. Лицо стало жёстче, взрослее — и при этом будто надломленным изнутри.

— Конечно, — процедил он сквозь зубы, — он у нас всегда герой...

Губы Генри скривились в усмешке, но в глазах, уставших и воспаленных, не было злости, только тревога. Он смотрел не на молящегося Жреца, а на тот самый зашторенный силуэт в окне — на своего бывшего лучшего друга.

— Он и правда герой, — раздался рядом спокойный мужской голос. Генри не вздрогнул — он почувствовал присутствие ещё до слов. К нему подошёл Кайл Блэквуд.

— Я был там, — продолжил герцог негромко. — Я всё видел.

Генри повернул голову. Его взгляд был острым, раздражённым.

— О, я ни секунды в этом не сомневаюсь, Ваша Светлость, — выдохнул он. — Эдвард Стоунфилд всегда поступает правильно. Всегда так, как надо.

В его голосе звенело что-то личное.

— И платит за это страшную цену, — усмехнулся герцог. Он говорил без насмешки. Скорее — с усталой, почти горькой иронией.

— Вам обоим давно пора вырасти, — добавил Блэквуд, лениво наблюдая за происходящим у поместья. — Нельзя так долго уповать на бесполезные правила.

Генри сжал челюсти, но не ответил. Герцог перевёл взгляд обратно к лестнице. Саэль Асмори как раз поднимался с колен, принимая помощь, словно позволял миру вернуться к нормальному ходу вещей. Огромные двери поместья распахнулись шире. Вокруг суетился Гарри Стоунфилд — громко, старательно, в постоянном поклоне.

— Что вам нужно, герцог? — торжествующе спросил Генри, повернувшись прямо к собеседнику и пристально посмотрев ему в глаза.

— Мне? — Кайл деланно задумался, — Пока ничего! Ваш друг, Герой Всея Империи, перекрыл дорогу. Вот пришлось пройти пешком.

Герцог с легким поклоном пошел прочь.

Внутри дома Стоунфилдов было тихо. Не траурно — пусто. Эдвард стоял у окна, спиной к комнате. Свет с улицы

едва пробивался сквозь плотные шторы, рисуя на полу бледные полосы. Он не обернулся, когда за его спиной раздался шаг.

— Мой мальчик... — голос Саэля Асмори был мягким, почти отеческим. — Как же мне жаль.

Эдвард молчал. Верховный жрец остановился в нескольких шагах, не приближаясь. Он умел чувствовать дистанцию — и власть.

— Миссия почти завершена, — продолжил Саэль. — Осталось последнее. Нужно аккуратно вытащить девушку из лап распутника Блэквуда. Это... неприятно, но необходимо.

Тишина.

— Без меня, — наконец сказал Эдвард. Голос был глухой, лишённый всяких интонаций.

Саэль чуть склонил голову, словно ожидал этого.

— Боюсь, это не так просто, — ответил он спокойно. — Теперь она официально принадлежит его дому. Формально и юридически. Вы же понимаете.

Эдвард резко развернулся.

— То есть Церковь может разрушать только мою семью? — слова сорвались, как удар. — А его всё ещё под защитой?

Эдвард сделал шаг вперёд, и голос его дрогнул от сдерживаемой ярости.

— Почему я не получал писем от матери? — продолжил он, уже не останавливаясь. — Кто их останавливал? Почему ни одно из них не дошло до меня? Почему нельзя было спа-

сти Софию? На это у вас власти не нашлось?

В дверях появился Гарри Стоунфилд. Его лицо было белым от ужаса.

— Эдвард! — крикнул он. — Немедленно возьми себя в руки! Ты ведёшь себя как мальчишка! Ты ничего не понимаешь!

Эдвард даже не посмотрел на отца. Саэль же... улыбнулся. Тепло и понимающе. С той самой улыбкой, от которой теперь его Секретарю становилось холодно.

— Я вижу, как тяжело ваше горе, — произнёс он мягко. — Единый забрал её. Мы все лишь смиренные свидетели его воли. Вам нужно время.

Жрец развернулся к выходу. Через несколько минут двери поместья распахнулись вновь. Толпа увидела, как вместе с Верховным жрецом вышли бледный, но собранный Гарри, заплаканная Маргарет и опухшая от слез Мира Стоунфилды. Они сели в карету во главе похоронной процессии. И только Эдвард остался внутри дома. Из кабинета на второй этаже, прислонившись лбом к ледяному стеклу, Секретарь Жреца наблюдал как уводят его семью, как уезжает катафалк с его невестой. Национальный герой осел на холодный пол и закрыл лицо руками.

— Значит, Саэль потому и тянул с похоронами, — цокнул языком Варди, помешивая пивную кружку с какао.

Кайл Блэквуд бросил на него строгий взгляд и, не гово-

ря ни слова, прошептал короткое заклинание. За столиком в неприметной, шумной таверне сидели трое: Варди, Кайл и Эдвард. Люди вокруг смеялись, ругались, звенели кружками — но в тот миг, как герцог легко хлопнул в ладони, их накрыла плотная, глухая магическая завеса. Звуки снаружи будто отрезало.

— Дожили, — проворчал Кайл, устраиваясь поудобнее. — Приходится встречаться где попало из-за одной взбалмошной девицы.

— Мы могли бы встретиться в вашем родовом поместье, — сухо заметил Эдвард Уокер. — Или в любом другом вашем доме.

— Там ещё опаснее, — отмахнулся Кайл и повернулся к Варди. — Что расскажешь о птичке?

Варди оживился, отложив ложку.

— Ну, ей, конечно, сложно без служанки, — начал он с видом эксперта. — Прически ей совсем не удаются. И хоть она такая независимая, подбородок задирает, но вижу, что смущают её эти взгляды со стороны. Особенно когда она...

— Расскажите что-то полезное, пожалуйста, — вежливо, но железно перебил Уокер, поправляя манжет.

Варди покосился на него, но не обиделся.

— А, ну первым делом попросила отвезти её в Восточный Дом Гетер.

Кайл медленно приподнял брови. Интерес, холодный и острый, вспыхнул в его глазах.

— Но вы же знаете, — продолжил Варди, — из-за этого нового нападения, все Дома закрыли на усиленный контроль. Анна была... разочарована, — он запнулся, вспоминая поток ругательств на неизвестном языке. — После этого ничего необычного не было. Ходила по магазинам, библиотекам, покупала безделушки. Спросила, может ли купить себе дом. Я ответил, что вы, вероятно, не будете против.

— Я против, — немедленно и чётко сказал Кайл.

— Но я добавил, — продолжал Варди, игнорируя реплику, — что ей безопаснее жить с вами под одной крышей. Долго бродила по вашему родовому поместью. Заблудилась и заснула в зимнем саду. В опере вместо второго акта осталась в буфете, пробуя все сорта мороженого. Позавчера ругалась с лавочником, потому что не могла найти нужные ей инструменты. Я про то, что моментов, когда зверь мог с ней связаться, было предостаточно. Но никто так с ней и не подходил. Сегодня что-то мастерит в своей комнате. Сказала, что это «лоток» для Эдди.

Эдвард поморщился.

— Нужно представить её обществу, — сказал он после короткой паузы. — Возможно, Зверь заинтересован, но не до конца понимает, кто она. Давайте... поможем ему.

Управляющий произнёс это спокойно, без эмоций. Как рабочее предложение.

Кайл медленно кивнул. Когда ловишь непонятно кого, за до конца непонятно что, хороши любые средства. Иначе топ-

таться им как Рари⁴ ещё долгое время.

— Согласен. Через две недели бал у Первого Министра — в честь дня рождения его жены. Лучшего места не придумать. Будут все слои общества.

Он чуть усмехнулся.

— Представим Анну как главный аттракцион вечера. Теперь я на поминальный обед. — подвёл итог Кайл, поднимаясь из-за стола. — Вдруг Саэль выкинет ещё что-нибудь эффективное.

Герцог щёлкнул пальцами, прошептав короткое заклинание, — и шум таверны хлынул к ним, будто его никогда и не убирали: смех, ругань, звон кружек.

— Подождите! — крикнул вслед Варди. — А что будем делать со служанкой?

Но герцог уже был у выхода и не услышал.

— Реальные проблемы всегда на мне...

Кайл успел ровно к началу поминального обеда, что проходил в служебном здании при храме — строгом, каменном, стоявшем у самой кромки кладбища. Слуги узнали в герцоге королевскую кровь и без лишних слов провели внутрь.

Снаружи же начинался хаос. Толпы горожан стекались к храму, услышав новость. Люди приходили «скорбеть о невесте Национального Героя» — те самые, кто ещё утром перешёптывался и горько усмехался её незавидной женской судь-

⁴ Рари — древний бог сожалений, что вечно топчется на месте.

бе. Теперь они несли цветы, склоняли головы, плакали — громко и показательно.

— Мои соболезнования, — герцог направился прямо к столу семьи Фери. Он обратился к Марии, матери несчастной. Та вздрогнула — словно не ожидала, что кто-то вообще подойдёт.

— Спасибо... — проговорила она дрожащим голосом. — Спасибо за вашу доброту к моей бедной дочери.

Кайл коротко склонил голову. В зале царил странный, болезненный диссонанс. За столом Фери почти не было гостей. Люди подходили, выражали соболезнования — и почти сразу отходили. Их тянуло к другому концу зала: к семье Стоунфилдов. Там говорили громче. Там уже расхваливали — пусть короткую, но «такую сияющую» жизнь молодой невесты героя. Там звучали правильные слова и правильные паузы.

Кирилл Фери, казалось, этого не замечал. Он сидел, обнимая сына. Даниил не переставал плакать — уткнувшись отцу в грудь, с судорожными всхлипами, детскими и беззащитными. Мальчик был невероятно привязан к сестре.

Кирилл поднял голову, когда Кайл сел за их стол. Светловолосый мужчина тепло, почти благодарно улыбнулся герцогу.

Только Кайл расположился, как в двери среди прочих зашел Генри Мэлфой. Молодой граф остановился на пороге всего на мгновение — ровно настолько, чтобы окинуть по-

мещение взглядом. Он не направился к Стоунфилдам. Лишь мельком склонил голову перед Мирой — почти незаметно, но она всё равно поймала этот жест и долго держала его взгляд, будто надеялась на что-то ещё. Потом все же Генри едва улыбнулся Маргарет — вежливо и даже тепло. Но не остановился, прошёл мимо, прямо к столу Фери.

— Мне очень жаль, — сказал он негромко Марии. — Что мы ничего не смогли сделать.

Он поклонился. Чуть глубже, чем требовал этикет. Чуть дольше, чем было принято. Кирилл Фери усмехнулся — коротко, без радости. Мария сжала губы, будто собиралась ответить резко, но затем выдохнула и кивнула.

— Благодарю вас за поддержку, граф, — сказала она ровно. Генри сел рядом с Кайлом. Он не спрашивал, просто занял место, будто оно всегда было его. На мгновение граф повернул голову, посмотрел на герцога — прямо и спокойно. Во взгляде не было вызова. Только твёрдое: я здесь. Кайл коротко кивнул. Он знал: Генри выбрал это место по той же причине, что и он сам. Отсюда было видно всё — и при этом можно было оставаться в стороне, не участвуя в фальшивом горе, не ловя на себе взгляды Стоунфилдов и не отвечая на обязательные расспросы.

— Таким темпом стол Фери соберёт всех распутников Империи... — прошипел кто-то за соседним столом.

Зал постепенно наполнялся. Появление Первого Министра заметили сразу. Алрик фон Хайд вошёл уверенной, тя-

жёлтой походкой человека, привыкшего, что пространство расступается перед ним. Он буквально излучал здоровье и энергию — неуместные, почти оскорбительные в поминальном зале. Рядом с ним шёл Каин Фери — бледный, с безупречной осанкой молодой человек.

Первым делом они направились к столу Стоунфилдов. Кайл слышал обрывки фраз даже отсюда — слишком уж громко Алрик «шептал».

— Каин — прекрасный жених, — говорил он с добродушной уверенностью. — Но уж больно скромный. Он и смотреть не смеет на вашу Миру.

Герцог перевёл взгляд на Генри. Тот сидел неподвижно, но карие глаза заметно потемнели. Челюсть напряглась, пальцы сжались на краю стола.

Мария Фери видимо, тоже слышала диалог — она побледнела. Женщина провожала взглядом Алрика и Стоунфилдов, пока Каин, наконец, не подошёл к их столу. Молодой мужчина остановился рядом с матерью, наклонился, словно хотел что-то сказать, но она опередила его — тихо, почти беззвучно, так, чтобы слышал только он, но Кайл смог прочитать по губам:

— Твою сестру только что закрыли в склепе, — произнесла Мария, не глядя на сына. — А Алрик уже ищет новые способы породнить тебя с будущим жрецом.

Кайл так и не узнал, что ответил сын матери. По залу прошла волна — не звук, не движение, а именно волна. Шёпот

поднялся сразу и везде, как будто кто-то невидимый провёл ладонью по воздуху. Кайл раздражённо перевёл взгляд к входным дверям — и застыл.

В проёме стояла Анна. Чёрное платье. Строгое, закрытое, без украшений — не траур напоказ, а необходимость. Волосы убраны в гладкий, низкий пучок, ни одной выбившейся пряди. Лицо спокойное, собранное, почти холодное. Чуть поодаль остановился Варди — тоже в чёрном. Кайл впился в него взглядом. Варди, поймав этот взгляд, едва заметно пожал плечами: что я мог?

Анну в зале не знали, но она вошла в сопровождении Варди — а Варди знали все. Его переманивали, за него торговались, его хотели заполучить в свои дома. Бывший воин. Искусный повар. Человек герцога Блэквуда.

Внешне Кайл не изменился. Он сидел ровно, с тем же выражением лица, с каким слушал чужие соболезнования уже не первый час. Но взгляд его не отпускал Анну ни на мгновение.

Она чуть замялась у входа, обратилась к Варди, тихо спросила. Он ответил так же тихо. Анна кивнула — коротко, решительно — и пошла дальше — к алтарю. Кайл наблюдал, как девушка остановилась, как аккуратно положила цветок. Затем чек на предназначенный для этого поднос. Движения были сосредоточенными, четкими и уверенными.

После ритуала Анна повернула к столу Фери.

— Мои соболезнования, — произнесла она едва слыш-

но и поклонилась. Не так, как аристократы — с отточенным изяществом, её поклон был простым, человеческим, и оттого казался пронзительно искренним. Чему-то её всё-таки научили на севере.

Мария Фери, тепло улыбнулась и кивнула. Кирилл, Каин и Алоиза последовали её примеру — вежливо, с отстранённым недоумением. Кто она? Откуда?

Анна выпрямилась. На мгновение Кайлу показалось, что она собирается идти дальше — к столу Стоунфилдов. Он почувствовал это раньше, чем увидел. Внутри что-то коротко дёрнулось.

Он привстал со стула.

— Анна, — сказал он негромко, но так, что девушка услышала. — Я здесь.

Шёпот в зале усилился. Но Кайл уже смотрел только на неё. Анна ответила внимательным взглядом. Не с удивлением — будто знала, где он сидит, ещё до того, как он заговорил. Затем сдержанно кивнула и прошла к столу. Села рядом — спокойно, без колебаний.

Кайл почувствовал кожей взгляд Генри. Острый, тяжёлый. Герцог не повернул головы. Не сейчас. Вместо этого лениво скользнул взглядом по залу, будто всё происходящее ему наскучило. Он отмечал реакции — кто задержал дыхание, кто наклонился к соседу, кто уже начал строить догадки. Анна рядом работала лучше любого приманочного заклинания.

— Вы хотели поддержать и жениха тоже? — произнёс он едва слышно, не меняя выражения лица. — Его здесь нет. Он убит горем и остался дома.

Анна чуть склонила голову, будто принимая к сведению.

— Тем лучше для меня, — выдохнула она. Кайл повернул голову ровно настолько, чтобы видеть её профиль.

— Кто эта девушка, — тихо добавила Анна, — что так пристально смотрит на меня.

Кайл знал, о ком речь, даже не глядя.

— Мира, — ответил он. — Сестра Стоунфилда.

Он потянулся к графину, налил вино и поставил бокал перед Анной — жест машинальный и всё же в обществе выдаваемый за заботу.

— Я не пью, — сразу сказала девушка. — Можно воды?

Кайл на секунду замер. Затем без комментариев отставил бокал, налил воды и подвинул к ней. Он сделал глоток вина сам, не отводя взгляда от зала.

Мира всё ещё смотрела, уже даже не скрываясь. Анна чувствовала это — Кайл видел, как у неё чуть напряглись плечи, как она выпрямилась, будто собираясь. Пусть смотрят. Он тоже наблюдал.

Кайл и Анна просидели до самого ритуала подсчёта пожертвований — того самого момента, когда служители должны были подойти к алтарю и вслух зачитать обозначенную сумму, деньги отдадут нуждающимся. Чеки лежали, аккуратно разложенные на подносах, и притягивали к себе взгля-

ды не хуже свежей крови.

Стол Фери постепенно оживал. Появление незнакомки сделало своё дело: люди тянулись — из любопытства. Чем больше гостей садилось рядом, тем внимательнее становилась Кайл к своей наложнице. Он играл роль безупречно и даже с удовольствием. Подал Анне вилку, когда та на секунду отвлеклась. Поправил несуществующую складку на её плече — жест лёгкий, почти интимный. Поймал её взгляд и улыбнулся — коротко, ободряюще, так, как улыбаются женщине, о которой заботятся.

Анна поняла правила быстро. Она задавала вопросы — самые пустяковые, ни о чём: о здании, о старых фресках, о том, почему говорят «Едино» трижды. Говорила тихо, почти для него одного. И чем непринуждённее звучал их разговор, тем напряжённее становился зал вокруг.

Кайл как раз наклонился к Анне, чтобы ответить на очередной её вопрос, когда за спиной возникло чужое дыхание.

— Вы оскорбляете похороны невесты Великого Героя, — прошипел низкий, хрипловатый голос. Кайл не сразу понял, откуда он доносится. Звук был будто снизу и сзади одновременно. Герцог медленно, с привычной расслабленностью повернул голову.

Позади него стоял лорд Двинн — дальний родственник Стоунфилдов, настолько дальний, что почти и не родной. Коренастый, низкий, с налитыми кровью глазами. Он не шатался, говорил чётко, но в каждом слове чувствовалась та

особая храбрость, которую даёт перебор с поминальным вином и ощущение неожиданной собственной значимости.

— Зачем вы привели эту... — Двинн запнулся, но быстро нашёл замену, — ...женщину. Она не представлена свету. Вы раньше никогда не выводили своих ш... — он прикусил язык, — ...свои развлечения.

Анна покраснела мгновенно. Кайл почувствовал это боковым зрением, как ощущают жар от открытого огня. Она замерла, хотя выражение лица не изменилось.

Герцог медленно развернулся на стуле. Не резко, не вызывающе.

— Прошу прощения, — сказал Кайл спокойно, даже дружелюбно. — Вы ко мне обращаетесь?

В зале стало тише. Кто-то перестал жевать. Кто-то наклонился ближе, делая вид, что поправляет салфетку. Двинн победно усмехнулся. Он явно не понимал, что делает.

— А к кому же ещё, Ваша Светлость.

Кайл встал не спеша. Сначала выпрямился, затем обернулся полностью. Теперь Двинн едва доставал герцогу до груди. Видимо, это обстоятельство расстроило родственника Национального Героя. Он взвизгнул:

— Вы должны знать! Что...

— Вы должны знать, что слишком много выпили, но я всё равно больше... — неожиданно встал между двумя Генри Мэлфой. Он не смог молча наблюдать как какой-то олух портит репутацию семьи Стоунфилдов. Не ради Эдварда, ко-

нечно, но хотя бы ради Миры и Маргарет.

Генри замахнулся уже, чтобы врезать Двинну и перемазать всё внимание на себя, как распахнулись тяжелые двери залы — обе створки сразу. Шум стих не постепенно, а обвалом. Больше никого не интересовал Двинн или герцог.

Внутри вошла процессия: слуги выстроились ровной линией, и между ними быстрым шагом двигался мужской силуэт.

— Его Величество Виктор Брасс, — провозгласил лакей.

Зал поднялся разом. Стулья отодвинулись, ткани зашуршали, головы склонились. Анна не растерялась, повторила движение за гостями. В тот краткий миг, пока все были заняты королём, Генри схватил побледневшего Двинна за грудки и потащил за колонны. Кайл же повернулся обратно к столу, будто ничего не произошло. Интуиция его подсказывала: с этим идиотом ещё будут проблемы.

Тем временем король прошёл через зал, не останавливаясь, не кивая по сторонам, прямо к Марии Фери.

— Я выражаю вам свои соболезнования, — произнёс Виктор Брасс. Его голос был ровным, твёрдым, без надрыва. — Мне больно осознавать, что грязные слухи стали причиной гибели столь преданной подданной нашей Империи.

По залу прошёл шёпот.

— Он же был на восточной границе...

— Как успел... Сам приехал...

Король возложил цветы. Затем — чек. Движения точные,

неторопливые. Всё это время зал стоял, склонив головы. Все — кроме одного человека.

Саэль Асмори сидел на своём месте. Он не встал. Он смотрел на происходящее с той самой отеческой улыбкой, хотя был старше короля, хорошо, если года на два. Жрец выглядел спокойным, уверенным, будто происходящее — его собственная служба.

Когда король двинулся обратно между рядами столов, он остановился перед Саэлем. Склонённые головы не мешали Кайлу видеть этот момент. Виктор Брасс поклонился.

— Саэль Асмори.

Жрец поднялся — неторопливо, без суеты. Поклонился в ответ и буднично сел.

— Ваше Величество, — сказал он мягко. — Благодарю вас за то, что нашли время для этой несчастной души.

Король ничего не ответил. Он уже двигался к выходу. Проходя мимо стола, за которым сидел Кайл, Виктор замедлился и на мгновение повернул голову.

— Брат.

Кайл в ответ кивнул.

— Привет.

Не останавливаясь ни на секунду, Король прошёл дальше к выходу. За ним вышла и его свита.

Кайл сел. Анна села рядом с ним. Гомон и шум вернулись в зал. Некоторые гости искали взглядом Двинна и разочарованно отворачивались, поняв, что скандала не будет.

— Пойдемте отсюда, ничего интересного больше не будет, — шепнул Кайл Анне. Дождавшись её согласного кивка, герцог поднялся и подал девушке руку, у дверей к ним присоединился Варди.

Анна теребила перчатки, сжимая мягкую кожу пальцами, но так и не решалась надеть их. Слякоть чавкала под подошвами, воздух был сырой. Кайл неспешно шёл рядом. Варди следовал за парой на почтительном расстоянии.

— Вас что-то тяготит? — произнёс герцог негромко, не глядя на девушку. Он решил помочь разговору начаться. Анна вдохнула глубже.

— Меня волнует, что я доставила вам неприятности.

Кайл усмехнулся. Играет в вежливость?

— Никаких неприятностей. Ваше присутствие... было кстати.

Он повернул голову и посмотрел в упор на девушку. Открыто и даже с каким-то одобрением. Анна отвела взгляд, сосредоточившись на мостовой.

— Но мне интересно, — добавил он ровно, — зачем вы пришли.

— Отдать дань уважения, — ответила спутница после короткой паузы. Голос был собранным, без надрыва. — Я понимаю, что не виновата в её смерти. И всё же... причастна.

Кайл кивнул. Ладно, они и не должны быть откровенны друг с другом.

Прохожие оборачивались. Узнавали герцога, замедля-

лись, перешёптывались, рассматривали женщину рядом с ним — внимательно и жадно. Кайл замечал любопытство окружающих и шёл чуть ближе, не демонстративно, но так, чтобы ни у кого не возникло сомнений.

Когда Анна, наконец, надела перчатки, предложил свой локоть, и девушка взялась за него, щёки её очаровательно порозовели.

— А куда мы идём? — спросила она.

— На улицу Фонтанов, — ответил герцог. — Она помогает мне отпустить тяжёлые мысли.

Кайл слегка изменил направление, сворачивая в более узкую, чистую улицу, вымощенную светлым камнем.

— Поможет и вам, — взмахнул он рукой в приглашающем жесте.

«Улица Фонтанов» оказалась вовсе не улицей в привычном смысле. Это была оранжерея — или, скорее, целый павильон под высокой стеклянной крышей. Длинное пространство, перекрытое прозрачным сводом, что освещал мягкий, рассеянный свет. Здесь было тепло. Воздух пах влажной зеленью и цветами, а вода звучала везде — тихо, но непрерывно. Десятки, сотни фонтанов: от изящных небольших, плывавших тонкими струйками в мраморные чаши, до грандиозных композиций с нимфами и тритонами. Между змеились дорожки, а в искусно устроенных островках зелени буйствовали тропические растения, чьи огромные листья блестели под каплями влаги. Но главным чудом был центральный кас-

кад на перекрёстке: многоуровневый, с бегущей по ступеням водой, которая, падая, создавала мощный, но умиротворяющий гул, заглушающий любые мысли.

Аня восхищенно выдохнула, оглядываясь, и сильнее сжала локоть спутника. Когда поняла, что сделала, чуть не оттолкнула Блэквуда. Но герцог властно притянул её, увлекая вглубь.

Пара шла молча. Не потому, что нечего было сказать — просто слова здесь были не нужны. Иногда они садились на скамейки, слушали воду, смотрели, как прохожие неторопливо бродят между зелёных островков. Аня чувствовала, как тревоги дня отпускают, она больше не следила за каждым движением герцога, а увлеченно рассматривала статуи, читала таблички с названиями растений.

Неожиданно путь преградил художник — молодой мужчина с папкой под мышкой и уверенной улыбкой.

— Портрет для вас? — предложил он, оценивая их взглядом. Аня поспешно замотала головой.

— Нет, спасибо

— Конечно, — перебил герцог и наклонился к ней, шепнув почти беззвучно, — Это для меня.

Девушка посмотрела на него с удивлением, покраснела, скорее от самого шёпота, чем от слов. Но возражать не стала.

Пришлось усаживаться в украшенный муляж сказочной кареты — декоративную, с резными боками и мягкими подушками нежных цветов. Пара в темной, траурной одежде

мрачно выделялась в праздничном антураже.

Аня сидела напряжённо, не зная, куда деть руки, старательно избегала прикосновений к Блэквуду. Герцог, не спрашивая, властно положил ладонь на её талию. Девушка вздрогнула, отстраняясь, и тогда мужчина сильнее притянул её к себе, довольно улыбаясь. Сердце Ани в смущении забилось быстрее, герцог выглядел таким искренне увлечённым. Улыбка очень ему шла.

Художник работал быстро, хотя и без магии, он почти не поднимал головы. Через пятнадцать минут Аня держала в руках пергамент. Акварель на искусном рисунке ещё не высохла и цвета смешивались друг с другом: герцог, чуть наклонившийся к своей возлюбленной, она — рядом, расслабленная, но с серьёзным выражением лица.

— Мы как готы — подростки на детском утреннике, — засмеялась девушка, откидываясь назад. Герцог заботливо придержал её за спину, чтобы не сошла с дорожки.

— Мы — красивая пара, — довольно заметил Блэквуд. И Аня остолбенела, сощурилась, внимательно вглядываясь в его лицо. Лучистые морщинки у глаз, нежная, а не обычная насмешливая улыбка. Пришлось напомнить себе, что ещё совсем недавно этот же очаровательный Блэквуд поставил ей болезненную метку на запястье. Аня потеряла место, что всё ещё саднило.

Ещё через полчаса прогулки Варди превратился в носильщика. Шагал следом, теперь уже с букетом роз, коробкой пи-

рожных и аккуратно перевязанным пакетом с мылом, пахнущим травами. Блэквуд ловил улыбки Анны и с энтузиазмом заводил её во все магазины подряд. Девушка расслабилась: шопинг одинаковый в любом мире, спонтанные покупки улучшали настроение совсем как в её мире. Но когда Блэквуд свернул к ювелирной лавке, Аня запротестовала.

— Нет, это уже слишком.

Герцог кокетливо наклонился к ней, понизив голос:

— Расслабьтесь. Вы — богаты.

Улыбка вырвалась сама — короткая и искренняя. Она позволила завести себя внутрь.

Пара гуляла до позднего вечера. Затем карета с гербом доставила Блэквуда и его наложницу к парадному входу родового поместья — величественного здания в центре города. Внутри Аня привычно прошла к телепорту. Это было правило герцога: делать вид, что Анна и все остальные живут здесь, в главной резиденции.

Спустя мгновение пара оказалась в другом здании — скромном, тихом, на прогулочном бульваре. В том самом, который Кайл Блэквуд всегда считал своим настоящим домом.

Глава 4. Друга можно купить

Аня стояла в коридоре и смотрела, как герцог, не торопясь, доставал из тумбочки тапочки. Мужчина переобулся и поставил вторую пару — поменьше — прямо перед ногами Ани. Так, словно это было самым естественным поступком на свете.

— Доброй ночи, — сказал мужчина. Он галантно коснулся губами её пальцев, не обращая внимание на попытку отдернуть руку, и уже собирался уйти, когда Аня произнесла:
— Я хочу купить служанку.

Слова прозвучали почти уверенно, только в конце голос дрогнул. Всё же покупать кого-то слишком непривычно. Герцог остановился, не обернулся сразу.

— Именно купить? — переспросил он, спустя короткую паузу. — Не нанять?

— Да, — Аня выпрямилась. — Я хочу вызволить подругу с Севера. Из того дома. Она...

— Я не против.

Он перебил её спокойно, без резкости. Обернулся наконец, сделал шаг ближе, весь лёгкий флёр вечера, всё подобие тепла испарилось из его голоса.

— Детали не мне, — продолжил Блэквуд. — Сообщите Эдварду.

Он сделал ещё шаг — теперь между ними не осталось и

вытянутой руки.

— Но вся ответственность за действия вашей подруги будет на вас.

Он добавил тихо, внимательно всматриваясь куда-то в губы Ани:

— И ей лучше бы уметь держать язык за зубами.

Это было сказано без открытой угрозы, и всё же холодно. Кайл развернулся и ушёл в свою спальню, не дав девушке ответить. В растерянности Аня осталась стоять в коридоре, глядя на тапочки у своих ног.

— И что это было? — сказала она в пустоту. Аня была рада, что не купилась на мимолетное подобие доброты. — Куда делся тот сказочный принц, который гулял сегодня со мной?

Вышло не зло, а скорее устало. Позади переобувался Варди, он только пожал плечами.

— Подарки в комнату или оставить на кухне?

Свои богатства Аня выбрала забрать с собой. С коробочками и букетом девушка, наконец, осталась одна в спальне. Комната заметно изменилась: раньше, помимо шкафов и кровати, ничего и не было, лишь огромное пустое пространство. Теперь же перед камином расположились два кресла и пуф, на полу толстый ковер. Здесь Аня любила растянуться с Эдди и наблюдать за танцующим пламенем.

У окна расположилась рабочая зона: письменный лакированный стол, высокий стул и лампа с теплым светом. Аня

каждый день вела записи, надеялась записывать больше полезной информации, но сейчас получался только эмоциональный дневник мнений о Его Светлости.

«Какой же он х...». — значилось на пергаменте сверху.

Шкафы Аня отгородила новой ширмой — получилась импровизированная гардеробная. Не удержалась и купила несколько манекенов — так было проще комбинировать одежду и аксессуары.

В ванной Аня установила тумбочку-лоток для Эдди и даже нашла на рынке садоводов что-то очень похожее на цеолит. Продавец не понял, зачем он девушке, но вопросов не задавал, услышав, сколько ей нужно. Ну а зачем каждый раз покупать, если можно запастись на века? Деньги-то всё равно не её.

Сейчас, усевшись в свободное кресло, Аня не смотрела на огонь. Она держала в пальцах тонкую золотую цепочку с кулоном-птичкой — парная вещица. Блэквуд купил сегодня в ювелирном магазине. Маленькая птичка из чистого золота, с крошечными драгоценными камнями в глазах. Такая же осталась у него.

Продавец объяснил: если один из владельцев захочет позвать другого, достаточно надавить на голову птички. Та слегка опускается, крылья расходятся чуть выше — почти незаметно. Вторая фигурка в этот момент начинает нагреваться. Чем дольше держишь, тем сильнее становится тепло и свечение.

Мысли девушки, впрочем, витали не вокруг магии предмета. Она думала о том, что сегодня впервые за несколько дней увидела своего хозяина. Её воротило от такого словосочетания, но с фактами не поспоришь. После первого совместного завтрака, где Аня узнала о смерти Софии Фери, герцог словно растворился в своих делах. Уходил на рассвете, возвращался глубокой ночью, и дни были полностью предоставлены ей самой. Аня быстро поняла: хочет она того или нет, но Варди будет её сопровождать — открыто, как сегодня, или скрытно. И она решила не усложнять жизнь ни себе, ни добродушному великану, просто принимая его присутствие как данность.

Аня быстро выяснила — никаких групп поддержки, организаций помощи женщинам в беде в Империи не было и теперь направила свои силы на изучение собственного дара. Который, впрочем, словно испарился. За всё время в доме она не смогла даже на секунду вернуть то сладостное ощущение мощи в груди.

Вдруг в дверь постучали. Три чётких, негромких удара. Анна вскочила с кресла, инстинктивно сжимая кулон в ладони. И только тогда осознала, что всё это время её большой палец лежал на головке птички — на той самой клюве-кнопке. То есть всё это время звала герцога.

Девушка выдохнула и открыла дверь. Герцог был без сюртука, в простой белой рубашке с расстёгнутым воротом и в легких брюках. В руках он держал свой кулон — птичку по-

больше, которая сейчас пульсировала мягким янтарным светом.

Оба, хозяин дома и девушка, замерли, глядя друг на друга. Аня чувствовала, как бледнеет лицо. От холодного взгляда чёрных глаз вспомнилась боль в запястье.

— Ой, — выпалила первой, смущённо разжимая пальцы и демонстративно показывая ему свою птичку, будто это было оправдание. — Я просто... проверила, как он...

— Работает, — закончил за неё Блэквуд, его губы дрогнули в чём-то, что было далеко от улыбки, но и обвинения не было. Он кивнул на свою светящуюся птицу. — Механизм исправен.

— Да, простите...

— В нашей Империи извинения ничего не значат, — холодно продолжил мужчина, делая шаг вперед. Аня шарахнулась внутрь комнаты. — Если делаете что-то, будьте готовы к последствиям, а не тряситесь как загнанный заяц.

Аня вскинула подбородок, но унять дрожь в руках не смогла. Тогда с вызовом бросила свой кулон в огонь камина.

— Эта фигня вас больше не побеспокоит.

— Я не об этом. — Блэквуд широко улыбнулся, наблюдая, как бледнеет девушка перед ним. — Плевать на безделушку. Вы пришли на похороны к семье национального героя.

Ещё один шаг к ней — девушка упёрлась спиной в высокое кресло.

— Вы сказали, я пришла кстати.

— Для моих целей — да. Но будь вы наложницей какого-нибудь Двинна, вы были бы уже наказаны, а может быть, мертвы.

Ответом стал нервный выдох. Герцог наклонился к самому лицу девушки.

— Если вы оскорбите кого-то мстительного и тупого, а такой здесь каждый второй, то даже моё имя вас не спасёт.

— И что такого оскорбительного я сделала?

— Вы наложница, и заходить на светские приёмы можете только в сопровождении хозяина.

Аня хотела было ответить, но герцог наклонился ещё ближе, к самой её шее, и всё возмущение девушки захлебнулось в волне страха. Герцог неторопливо вдохнул воздух.

— Вам идёт этот аромат...

Он выпрямился и бросил насмешливый взгляд.

— А вот имя Анна... не для вас. Подошло бы, например... Козетта.

Мужчина выпрямился, сложил руки за спиной и с раздражающим спокойствием двинулся к дверям.

— Меня зовут Анна. Это моё имя. — тихо, но твёрдо ответила девушка, захлопывая дверь за герцогом. Затем бросилась на кровать, зарылась пылающим лицом в подушки.

Она в сердцах ругнулась: снова Блэквуд вызвал хаос в мыслях. А ведь сегодня она отчаянно боялась и одновременно горячо надеялась увидеть Эдварда. Да, это было глупо. Она не знала, как бы он повёл себя на похоронах собствен-

ной невесты. И всё же то, что встреча не состоялось ранило сильнее. Аня оставалась совершенно одна, ещё и во власти Блэквуда. Теперь оставалась слабая надежда, что Элайза поможет ей хоть немного разобраться в местном обществе и найти лазейку к свободе.

Эдвард-управляющий доставил Элайзу в дом меньше чем за сутки. Анна, Варди и Ульф едва успели подготовить для неё комнату.

— Ну... — Аня остановилась в дверях и окинула взглядом небольшое помещение сразу за стеной своей спальни. Узкое окно, пока ещё пустые стены, свежие ковры, пахнущие шерстью.

— А других комнат с собственной ванной здесь нет? — спросила она требовательно. Ульф, стоявший у стены с поднятыми руками — он как раз пытался повесить светильник ровно, — обернулся и ответил с той самой добродушной простотой, которая у него получалась лучше всего:

— Ваша — единственная во всём доме.

Аня замерла в удивлении.

— Герцог поэтому вам её и уступил, — добавил он, не придавая словам никакого особого значения. А вот девушка даже приосанилась.

В пустую комнату Варди внес широкую кровать, затем шкаф и кресло. Аня и Ульф разложили ковры — один перед кроватью, другой у кресла. Получилось... неожиданно уют-

но.

— А мы точно ждём служанку, а не ещё одну наложницу? — буркнул Ульф, оглядывая результат. Ответом стал быстрый, отработанный тычок в бок от Варди.

Аню кольнуло — резко и неприятно. Напоминание о её положении здесь, в этом доме, вернулось слишком внезапно. Она выдохнула, заставляя себя не зацепиться за мысль. Да, к ней относились хорошо. Настолько, что она иногда забывала, где находится и по каким законам живёт этот мир.

Но все эти мысли тревожили ровно до того момента, как Элайзу ввели в дом. Аня увидела её — и всё остальное перестало иметь значение. Они не виделись совсем недолго. Может, чуть больше недели или двух. Но девочка выглядела так, будто прошла через месяцы тяжелой работы. Стертые до мяса пальцы — руки она прятала, но Анна всё равно заметила. Синяки на запястьях и выше, небрежно скрытые длинными рукавами. Под глазами — тяжёлые, тёмные круги. Взгляд — настороженный, словно каждый шаг требовал разрешения.

Вечером, когда Элайза приняла лекарство, опасения Ани подтвердились окончательно. На подростка варево действовало резко и грубо. Девочку словно выключили: зрачки расширились, движения стали вязкими, речь — обрывочной. Через несколько минут Элайза уже спала — тяжело, неестественно, с редким, рваным дыханием. Аня долго сидела рядом, прислушиваясь, считая вдохи, пока не убедилась, что сон не переходит в опасную тишину.

Только тогда девушка вышла из комнаты. На лестнице было темно. Дом жил своей вечерней жизнью — где-то потрескивал огонь, скрипели балки, пахло хлебом и тушеным мясом. Анна спустилась на кухню и остановилась, не доходя до двери. Голоса донеслись раньше, чем она успела сделать шаг.

— Эта девчонка не доживёт до двадцати, — резко бросил Ульф. — Зачем нам новый труп.

— Может, Анна ей поможет, — ответил Варди с сомнением.

— Ты знаешь, что нечем помочь, — отрезал подросток. В словах было не злое, а упрямое отчаяние. Юноша раздраженно вышел из кухни и столкнулся в коридоре с Анной.

— Что он имел в виду? — спросила Аня у Варди, остановившись в проеме.

— Очень многие девушки умирают от лекарства, — честно ответил тот. Эта честность очень подкупала, Варди никогда не юлил.

Аня кивнула.

— Я собираюсь избавить Элайзу от зависимости, — произнесла она тихо и села за стол.

Варди нахмурился. Видно было, что он хочет возразить, подобрать слова, объяснить — но не успел.

— О, вот вы где.

Герцог вошёл в кухню весь светящийся — неуместно довольный. Он оглядел Аню внимательным, оценивающим взглядом и усмехнулся.

— Служанка вам к лицу.

Девушка поняла сразу: он имел в виду платье. Более сложное, чем те, которые Аня способна была надеть без помощи.

— Мы идём на бал, — продолжил хозяин дома, подходя ближе. — Уже меньше, чем через две недели. Вы умеете танцевать полонез или кадрили?

— Нет, — ответила Анна холодно, отступая, вчерашний разговор всё ещё был свеж в её памяти. — И я бы не хотела учиться.

Ей было не до светский развлечений. Герцог не стал спорить. Он сел напротив, сложив руки на столе, и посмотрел на неё внимательнее, уже без улыбки.

— Это не приглашение, — сказал он спокойно. — Мне нужно, чтобы вы пошли со мной на бал.

Тишина в кухне стала плотной. Аня смотрела на него и понимала: лучший момент, чтобы рассказать о своем плане и даже попросить помощи. Герцог, конечно, человек своеобразный, но просьбу выполнил и подругу выкупил. Девушка сжала пальцы на краю стола и выдохнула, словно решилась на прыжок с обрыва. Сейчас или никогда.

— Хорошо, — сказала она быстро. — Я пойду на бал. Я постараюсь научиться каким угодно танцам. Но вы поможете мне в ответ.

Мужчина напротив не перебивал, но на лице его выступила привычная скучающая гримаса.

— Я собираюсь избавить Элайзу от зависимости от лекар-

ства, — продолжила Аня. Слова шли неровно, будто она боялась не успеть их сказать. Только бы он дослушал. — Уже сегодня я дала только половину порции.

Варди резко поднял голову.

— Это не поможет, — он ударил по столу кулаком. — До-за не имеет значения. Это... работает иначе.

Аня нахмурилась: внутри поднялось упрямое сопротивление. Так не бывает. Любое психотропное вещество подчиняется логике: меньше — слабее, больше — сильнее. Но мысль оборвалась сама собой. Это другой мир. Возможно, магия вплеталась в тело как кровь и дыхание. Девушка с вопросом в глазах уставилась на герцога: не Варди тут принимает решение.

Хозяин дома медленно выпрямился, откинулся на спинку стула. Ане показалось или он заинтересован?

— То, что вы хотите сделать, — протянул мужчина, — не просто противозаконно.

Аня опустила взгляд, собираясь с силами.

— Если это раскроется, — продолжил герцог, — это смертная казнь. Для вас и для вашей Элайзы. И тогда я уже не смогу помочь. Ни вам. Ни ей. Особенное ей.

Тяжелая тишина снова опустилась на кухню.

— То есть... вы не против? — прошептала Аня. Герцог резко качнул головой.

— То есть я не смогу вызвать лекаря, — повысил он голос, впервые за весь разговор. — А он ей понадобится. И очень

скоро.

Аня повернулась к Варди. Тот стоял неподвижно, глядя в столешницу.

— Моя жена так умерла, Анна, — сказал он наконец. Голос был едва слышен. — Когда мы переехали сюда, она стала обязана принимать лекарство. Но на неё оно действовало сильнее, чем на местных женщин.

Он сглотнул.

— Она медленно умирала. И тогда мы решили прекратить это.

Аня не дышала.

— Она не выдержала и без лекарства, — продолжил Варди. — Что бы ты ни сделал — ты всё равно проиграл.

Слова повисли, как приговор. В голове шумело. Значит, половина дозы — не выход. Отмена — смерть. Но продолжение — тоже смерть.

— Может дать ей пожить, сколько получится? — тихо спросил Варди. Аня резко поднялась. Главное она услышала: герцог не запретил ей, а это всё, что было нужно.

— Нет! Я попробую. Я спрошу у неё и, если она согласна, мы попробуем.

— Хорошо. Варди, подыщи, куда можно будет похоронить девчонку без вскрытия, тогда я хотя бы не потеряю наложницу. — равнодушно согласился Блэквуд. Он выдержал Анин яростный взгляд с насмешливо приподнятой бровью.

Аня в гневе вышла из кухни: да уж, в этом доме лучшая

поддержка на свете! Девушка еще полчаса в волнении бродила по комнатам, думая обо всём и ни о чем одновременно. Ставки были слишком высоки, но и награда приличная: Аня могла спасти жизнь и заполучить независимого от лекарства союзника.

Когда вошла в спальню девочки, Элайза уже не спала. Она сидела прямо на ковре, поджав под себя ноги, и что-то старательно выводила карандашом на листе бумаги. Лицо было сосредоточенным.

— Пойдём ко мне, — мягко предложила Аня. — У меня есть стол, не придётся сидеть на полу.

Элайза подняла голову и тут же улыбнулась.

— Правда? — она вскочила так резко, что лист бумаги соскользнул на ковёр. — Тогда да.

Она аккуратно собрала свои записи и уже на пороге добавила, будто оправдываясь:

— Я пишу Арсину. Он будет волноваться, если я не напишу.

Аня кивнула, ничего не спрашивая, прятала дрожащие руки. Они устроились за столом у окна. Элайза с видимым удовольствием осматривалась — задерживала взгляд на полках, на лампе, на кресле у камина.

— У тебя красиво, — сказала она тихо. — И... спокойно. Анна улыбнулась.

— Тебе нравится твоя комната?

— Очень, — Элайза кивнула и тут же смутилась. — И

платья тоже. Я... я никогда таких не носила.

Она замялась, затем вдруг подняла взгляд:

— А тот белокурый мальчик... он кто?

Аня приподняла бровь.

— Понравился? — спросила она с лёгкой хитринкой.

— Нет! — Элайза вспыхнула мгновенно, даже уши покраснели. — Просто... он странный. Не похож ни на кого.

— Это потому, что он не из Империи, — загадочно сказала Аня.

Элайза задумалась, затем оживилась:

— Когда ты уехала, был такой переполох... — начала она.

— Стекло разлетелось по всей гостиной, Миссис Помп порезало щеку — теперь у неё шрам. Она до сих пор требует у герцога ещё денег. Говорит, что выкуп едва покрыл ремонт.

Аня поморщилась. Вспоминать север всегда означало для неё вспоминать и Эдварда.

— И что?

— Ничего, — Элайза пожала плечами. — Ей сказали, что происшествие признали трагедией из-за артефакта. Так что больше она ничего не получит.

Девушки проговорили весь вечер. О Севере, о девицах из Дома Гетер. О том, как тяжело пришлось Элайзе в качестве служанки там. Время текло незаметно — мягко, почти ласково.

Когда в дверь постучали, обе вздрогнули. Ульф вошёл с подносом — пирог, чай, аккуратно расставленные чашки.

Лицо у него было мрачное, будто он нёс не угощение, а повинность. Элайза вскочила так поспешно, что едва не уронила стул.

— Я сама! — сказала она, покраснев до корней волос, и почти вырвала поднос у него из рук.

Ульф буркнул, отступая:

— Я думал, со служанкой станет проще. А теперь и ей прислуживать.

— Именно так, — весело передразнила его Аня. — Хочешь с нами чай?

Мальчик посмотрел на неё с ужасом, развернулся и сбежал из комнаты, будто за ним гнались. Девушки переглянулись — и расхохотались. Аня позволила себе несколько секунд этого смеха, отдышалась — и почувствовала, как внутри всё сжалось. Пора.

— Элайза, у меня к тебе серьёзный разговор, — Аня в волнении заходила по комнате, пока девочка сидела в кресле и внимательно на неё смотрела. — Помнишь, ты пропустила один раз прием лекарства по моей просьбе?

— Я думала тогда... умру, — осторожно кивнула Элайза, уже понимая к чему клонит подруга.

— Я знаю, — тихо сказала та. — Я видела.

Элайза сидела прямо, не сутулясь, будто готовилась слушать приговор. Пальцы сжимали край подлокотника.

— Ты заметила, что мне хуже? — тихо спросила девочка. — Я чувствую, что мне мало одной порции, но если я выпи-

ваю больше, лучше не становится.

Аня с трудом сглотнула.

— Если продолжишь пить это лекарство — ты умрёшь, — продолжила девушка спокойно, почти холодно. — Не завтра. Не через месяц. Но ты не доживёшь до двадцати.

Элайза медленно кивнула, она не плакала. Только побелели пальцы, сжавшие край кресла.

— Значит, — Аня присела перед ней, упираясь ладонями в колени, — Нужно бросать лекарство. И чем раньше, тем лучше. Я предлагаю уже завтра не пить твою порцию. И это будет очень тяжело.

Аня посмотрела девочке прямо в глаза.

— Шанс небольшой. Но он есть.

Элайза заёрзала.

— Но если мы ничего не сделаем, ты умрёшь точно, — закончила Аня. — Это не выбор между жизнью и смертью. Это выбор между медленной смертью и попыткой выжить.

Она выпрямилась.

— Решение за тобой.

Элайза долго смотрела на Анну. Потом неожиданно выдохнула — резко, как после долгого бега.

— Я согласна, — сказала она сразу. — Но обещай не говорить моему брату. Даже, если не получится, не говори ему, от чего я умерла.

Аня кивнула. Она почувствовала, что Элайза осознает весь риск и принимает его, но облегчения от этого не испы-

тала.

— Можешь не волноваться, — сказала девушка. — Мы никому не скажем. Если узнают, чем мы тут занимаемся, нас обоих казнят. Герцог, Варди, Ульф, они все скажут, что ничего не знали. Мы с тобой — одни.

Элайза снова кивнула.

— И ещё, — добавила Аня тише. — Уже сейчас вдалбливай себе в голову: я должна есть. Я вижу, что ты почти не ешь. Но даже, если не хочется, даже через силу, жар и тошноту. Нужно, чтобы ты ела и пила. Это очень важно!

Аня хорошо помнила как бабушка вытаскивала маму из самых страшных состояний. Правило было простым и жёстким: есть и пить — всегда.

Элайза вдруг улыбнулась — криво, но живо.

— Значит, — сказала она, — у меня теперь есть шанс?

Аня задержала взгляд.

— Да, — ответила она. — И за него мы будем бороться.

Долго Аня не могла уснуть. Тело было усталым, но мозг не выключался — будто кто-то оставил свет в голове. Она пару раз пыталась лечь, закрыть глаза, считать вдохи, но каждый раз мысли возвращались, цеплялись одна за другую, и сон ускользал. Почему-то вспомнился тот странный сон в Северном доме гетер про какую-то девушку с сыном. Тело пробило воспоминание о боли, что пронзила тогда тело. Тогда Аня вздрогнула и вскочила.

Села за стол, зажгла лампу и вытащила чистый лист пергамент. Если уж не спать — значит с пользой. Она не собиралась никого спасать в этом мире. Не собиралась быть лекарем. Она вообще не планировала здесь задерживаться. Но вчера, когда Элайзу ввели в дом — тонкую, надломленную, с этим взрослым, измученным взглядом, — что-то внутри ёкнуло. Так щёлкает, когда понимаешь: если сейчас отступить, потом не простишь себе.

— Не могу спасти себя, спасу другого.

Плана не было. И от этого было страшно. Аня с усилием вывела первую строку — по-русски, не задумываясь:

«Переселить в мою комнату».

Мысль была простой и практичной. У неё собственная ванная. А при ломке ванна — не роскошь, а спасение. Возможность хоть немного унять боль или сбить очень высокую температуру холодными обтираниями.

Дальше строки пошли быстрее:

«...Жаропонижающие. Магические, травяные, кора белой ивы (есть ли она тут?).

Мочегонные чаи. Выводить гадость.

Варди — овощные супы-пюре. Легко, питательно.

Шиповник? Витамин С.

Болеутоляющие, спазмолитики. ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Расторопиша? Для печени.

Бананы? Калий. Восстановление баланса.

Яблоки. Пектин выводит токсины...»

Аня задумалась, покусала кончик перьевой ручки. Вот чему она научилась в доме Блэквуда, писать без клякс этой ерундой.

«Лимоны. Витамин С.

Мята. Успокоение желудка, тошнота.

Крапива (настойка). Очищение крови.

Полотенца. Много. Х/б.

Успокаивающие ароматы. Лаванда? Ромашка?»

На секунду девушка откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Ей отчаянно захотелось, чтобы рядом был Эдвард. Захотелось снова испытать то особенное спокойствие во время их прогулок по Городку Небесного Сияния. Вот уж действительно городок сиял в её воспоминаниях теперь. Девушка была уверена: он бы знал, что делать. Что-нибудь придумал. Для неё и для Элайзы.

Аня резко выдохнула и снова склонилась над листом.

«...Соль для ванны...»

Перо зависло над бумагой.

«Капельницы?»

Девушка резко подняла голову, словно мысль прозвучала вслух.

«Есть ли у них капельницы? Глюкоза. Физраствор — да хоть что-нибудь.»

На этом моменте она больше не смогла сидеть. Мысль зацепилась и теперь никак не отпускала — нужно было дей-

ствовать. Если где-то в доме есть книги, архивы, справочники — ответы могут быть там. Аня поднялась, накинула халат и, не зажигая лишнего света, вышла в коридор.

Дом спал. За окнами стояла глухая, холодная ночь. А в коридорах и комнатах пылали камины. Аня взглянула на часы у стены: час ночи.

Двинулась по коридорам, ведя ладонью по стене. Она пыталась вспомнить, где видела книги. Ей нужны были описания операций и схем лечения в этом мире. Хоть намёк на то, что ещё можно сделать, прежде чем станет по-настоящему поздно.

В круглой комнате на первом этаже горел свет. Девушка с любопытством заглянула в раскрытую дверь.

Герцог лежал на диване, вытянувшись во всю длину, с бокалом в руке. Белая рубашка была расстёгнута на груди, рукава закатаны. Домашние тапочки валялись на полу рядом.

Комната выглядела странно пустой. Не пустой в прямом смысле — мебель была. Большой диван. Круглый стол в центре. Ещё один рабочий стол — в стороне. Несколько высоких стеллажей с книгами вдоль стены. Но всё это терялось в масштабе. Пространство было слишком большим для такого количества вещей, и от этого возникало ощущение недосказанности, незавершённости. И ещё — ни одной мелочи. Ни бумаги. Ни пера. Ни подушки. Ни забытого пледа, ни чашки. Ничего, что говорило бы: здесь живут.

Аня поймала себя на том, что стоит и просто смотрит.

— Что вы тут делаете? — спросила она искренне, даже с лёгким недоумением.

Блэквуд не вздрогнул. Даже голову не повернул.

— Пью, — ответил он просто. Чуть приподнял бокал, как бы подтверждая сказанное, и только потом перевёл взгляд на вошедшую.

— А вы думали, я по ночам сижу над картами и строю стратегические планы?

Он лениво махнул рукой в пространство, будто где-то здесь действительно должны были висеть карты, лежать свитки, чертежи, схемы мирового господства.

Аня скривилась, обнажая свои мысли. Ну... да. Именно так она и думала. Сделала шаг внутрь комнаты, не дожидаясь приглашения. Звук тонул в большом пространстве помещения.

— Здесь странно, — сказала она после паузы.

Кайл хмыкнул. Она подошла ближе к столу, провела пальцами по гладкой поверхности. Ни пыли, ни царапин.

— Вы тут вообще... живёте?

— Иногда.

Аня повернулась. Он всё так же лежал, расслабленный, почти небрежный, но взгляд был внимательным. Следил за ней, за каждым движением.

— А вы? — спросил он. — Что вы в ночи делаете здесь?

Аня замялась всего на секунду: больше ей не у кого спросить.

— Ищу книги.

— Какие?

— Про вашу медицину, — сказала она честно. — И про лекарства.

Кайл медленно поднял бровь.

— Главное — вовремя. Девчонка согласилась, значит.

Аня с каменным лицом встретила насмешливый взгляд. Мужчина сделал глоток и на мгновение закрыл глаза, будто вкус напитка был важнее разговора. Потом снова посмотрел на неё.

— Тогда присаживайтесь, — пригласил он. — Буду вашим справочником. Я хорош во всех науках.

Аня фыркнула едва слышно но подчинилась. Проговорили они не меньше двух часов. Время распалось на отдельные фразы, схемы, догадки. Уже через четверть часа Аня сбегала наверх, вернулась с пергаментом и пером, и теперь сидела на полу, записывая всё подряд — крупно, неровно, иногда порусски, иногда на местном языке, путая строки. Выводы выходили один за другим — и ни один не радовал. В этом мире не делали инъекций. Вообще. Были татуировки — лечебные, профилактические, стимулирующие, прямо как БАДы. Были операции — иногда пугающе смелые в своём безумии. Врачи часто использовали артефакты ускоряющие заживление, сращивание и рост тканей. Но проколов кожи с введением чего-то внутрь — не существовало.

— Это просто... не нужно, — объяснял Кайл, расхаживая

по комнате с бокалом, разговор окончательно захватил его.
— Организм должен бороться сам, мы лишь подталкиваем: артефактами и заклинаниями.

Аня наградила герцога раздражённым взглядом.

— А в вашем мире получается вы просто... — герцог по-искал выражение и нашёл самое неприятное, — ...накачиваете человека водой с солью?

В этот раз девушка закатила глаза.

— Если упрощать до абсурда — да.

— Отвратительно.

— А вы что делаете, когда истекаете кровью?

Кайл оживился.

— Используем Кроводел, — сказал он с почти детским удовлетворением. — Он заставляет сердце работать интенсивнее. Делать больше крови.

Аня пробурчала:

— Сердце не делает кровь.

— Простите? — Кайл остановился на полушаге.

— Кровь производит костный мозг, — уточнила девушка рассеянно и вдруг щёлкнула пальцами.

— Вот.

Кайл внимательно посмотрел на неё, словно ответ появится на её лице.

— Вот — что?

— Догадка, — сказала она медленно, подбирая слова. — Ваше женское лекарство... оно ведь не лечит. Оно заставля-

ет организм что-то вырабатывать.

Кайл не ответил, просто ждал дальнейших рассуждений.

— Как Кроводел, — продолжила Анна. — Только направленный не на восстановление, а на... стабилизацию. Или подавление. Или ещё чёрт знает что. Но суть та же: организм сам делает эту гадость.

Она резко посмотрела на него.

— Поэтому размер порции не имеет значения.

Кайл пожал плечами.

— Да. Я примерно так и думал.

— А я только сейчас поняла.

Она опустила руку обратно на пол, провела ладонью по лицу.

— Значит, — сказала она уже тише, — лечить магией нельзя. Любая магия здесь — это стимул. А стимул — это ещё больше зависимости.

Кайл молчал, он не отрывал одобрительного взгляда от девушки перед собой.

— Нам нужно не заставлять тело работать, только поддерживать, пока оно ломается и учится жить по-новому.

— То есть...

— Нам нужны капельницы.

Кайл моргнул.

— Вода с солью?

Анна резко подняла голову.

— Нет, — сказала она жёстко. — Нам нужны иглы. И шприцы.

Слово повисло в воздухе — чужое, неправильное и опасное.

Герцог медленно поставил бокал на стол.

— Анна, — произнёс он спокойно, но в голосе появилось напряжение, — рисуйте ваши шприцы.

— Зачем? — округлила глаза девушка, но в груди затеплилась надежда. Таким герцог ей нравился. Такой союзник был бы кстати.

— Мне их по рассказам делать?

Аню не нужно было просить дважды, она ловко выводила линии на шершавом пергаменте. Перекладывала карандаш из руки в руку, пряча дрожь. Это не от страха, все от концентрации и осознания ответственности.

— Вот здесь, — перо постучало по краю рисунка. — Самое важное. Игла должна быть очень тонкой. Максимально.

Герцог проводил девушку в подвал, где была целая лаборатория. Буквально — система комнат с различными механизмами, склянками и химическими реактивами. Узкие окошки под самым потолком обеспечивали приток воздуха.

— Тонкой — настолько?

Герцог явно был увлечен процессом, даже позабыл о своих фирменных насмешливых взглядах и угрозах.

— Да, — кивнула Анна. — Чем тоньше, тем лучше.

Кайл быстро понял принцип работы шприца. Объяснил, что похожие устройства используют, просто не в медицине.

— Важно, чтобы шприц можно было обработать спиртом, а ещё прокалить. Нельзя заразить Элайзу какой-нибудь гадостью.

— Заразить?

— Чем угодно, — ответила Аня осторожно. — Вирусами, бактериями.

Кайл смотрел на неё внимательно, без насмешки, но с явным недоумением.

— Гниль появляется, если ткань повреждена, — медленно сказал он. — Или если человек слаб. Или если в рану попала грязь.

— Грязь — это не причина, — ответила Аня сразу. — Это среда. Причина — то, что в ней живёт.

Герцог нахмурился с недоверием.

— Мы не можем просто проткнуть кожу. Всё должно быть стерильно.

— Это слово вы уже говорили, — заметил Блэквуд.

— И ещё скажу.

Твёрдый и требовательный взгляд зеленых глаз уперся в лицо герцога.

— Значит, — сказал герцог, уже другим тоном, — нам нужна игла тоньше этой.

— Да.

— И способ сделать её «чистой».

— Да.

— И контейнер, в котором она не испортится.

— Да.

Герцог вдруг азартно потёр руки.

— Вы понимаете, Анна, — сказал он, — если вы правы, то половина нашей медицины...

— ...основана на удаче, — закончила девушка, — у нас также было.

Глава 5. Затворника выкурили из дома

Теперь поместье национального героя выглядело так, словно траур здесь начал гнить.

Мраморная лестница у главного входа была устлана цветами — их весь день вчера приносили горожане в знак благодарности и скорби. На холоде стебли потемнели, лепестки осыпались и почернели. Слуги без прямого указания не решались трогать стихийный алтарь. А хозяин дома не знал как следует поступить с атрибутикой народной любви. Такие вещи раньше всегда решал сын.

— Эдвард! — девчачий визг разрезал воздух.

— Ты нужен нам! — кричала Мира, не заботясь о том, слышат ли слуги. — Этот Хайд совсем с ума сошёл! Он уже сватает меня своей шестерке — Каину! Ты понимаешь?!

Дверь комнаты Эдварда была распахнута. Мира стояла на пороге, сжатые кулаки, горящие глаза, волосы растрёпаны — она не плакала. Она была зла. А злость, в отличие от горя, требовала движения.

— Идиот Двинн решил при всех отчитать Блэквуда, — продолжала она, почти захлёбываясь словами. — А ты... ты даже не проводил Софию!

Эдвард медленно повернул голову. Посмотрел на сестру так, словно видел её впервые. За её плечом осторожно выглядывал Гарри Стоунфилд.

— Мальчик мой... — начал он мягко, с тем самым тоном, которым говорят с больными. — Никогда не думал, что соглашусь с Мирой, но тебе действительно нужно выйти из дома. Люди волнуются. Им нужно видеть тебя.

Эдвард встал. Движения были точными, почти механическими. Он подошёл к двери, взял Миру за плечо — аккуратно, но жёстко — и отодвинул в сторону. Не грубо. Без злости. Просто как препятствие. А затем он закрыл дверь.

С той стороны раздался сдавленный рык.

— Р-р-р! — взывала Мира. — Мы тоже горюем, Эдвард!

Послышался быстрый, сердитый топот — она побежала вниз по лестнице.

— Каин Фери — прекрасная партия... — донёсся голос отца, уже удаляясь, он как бы размышлял вслух. — Уважаемый дом, стабильность...

Эдвард не слушал. Он вернулся к кровати и лёг. Снова лежал. Как делал это весь день. И предыдущий. И тот, что был до него. Эдвард выяснил, что потолок над ним был белым, без трещин, без украшений. Он смотрел на него и думал, что если долго не моргать, линии начинают плыть. На столе у изголовья стоял флакон. Небольшой, изящный, стекло оплетено тонкой золотой проволокой. Рядом лежала раскрытая записка.

«Это поможет унять боль. Сазль».

Эдвард взял флакон, открыл и понюхал. Он почти усмехнулся: женское лекарство. Он хорошо знал этот запах. Эдвард поставил флакон обратно.

— Что на этот раз ты плетёшь? — сказал он тихо, в пустую комнату, — И зачем я тебе нужен?

Эдвард снова лёг и закрыл глаза. Как немой упрёк всплыл образ Анны. Рыжие волосы, прямой взгляд. Неловкая и странная, но такая манящая девушка. Непосредственная до бестактности. Он отгонял её лицо — резко, почти с яростью, — но оно возвращалось снова и снова.

Только сейчас, когда он вернулся. Только сейчас, когда всё кончилось. Когда он проиграл. Когда он не справился. Что-то внутри него наконец сдалось — словно плотина, державшая воду годами, дала трещину. И сквозь неё хлынуло всё сразу: тяжесть пустых комнат, бессмысленные титулы, лица людей, которые всегда чего-то от него ждали. Впервые за долгое время одиночество перестало быть фоном — оно навалилось всей массой, придавило грудь, лишило воздуха.

Он был виноват. Перед семьёй — потому что оставил их без защиты, без решений, без сына, который умел быть сильным за всех. Перед Софией — потому что ушёл, выбрал долг и вернулся слишком поздно. Перед страной — потому что не оправдал ожиданий, не удержал систему, не доиграл свою роль до конца. Анна теперь заточена у этого Блэкуда и кто знает, как он воспользуется её силой. Как он поступит с ней

самой... Сердце пропустило удар.

Но самое главное, что выжигало сердце: Эдвард больше не хотел этой жизни. Не хотел быть героем. Не хотел быть символом. Не хотел просыпаться в доме, где каждая стена лучше него знала, кем он должен быть. Но вместо того, чтобы вскочить и действовать, Эдварда замер в ужасе.

Как бы он ни отгонял мысли, они упрямо возвращались — к северным улицам. К грязному снегу под ногами. К чужому городу, где он был никем. Жалким и даже потеряннным. Настоящим.

Эдвард медленно сел, дотянулся до шкатулки, стоявшей в тени. Пальцы легли на крышку. Он знал, что внутри — магический портрет. Знал, чьё лицо вспыхнет светом, стоит лишь открыть. Он не решился. Шкатулка осталась закрытой.

Вдруг Стоунфилд резко дёрнулся, будто его дёрнули за нитку. Мысль была простой и оттого беспощадной: Мира права. Он даже не попрощался с той, которую убил.

Мужчина вскочил и начал одеваться — неловко, поспешно, путая пуговицы. Пальцы дрожали. Одевшись, он прислушался. Дом дышал ровно, тяжело, по-ночному. Ни шагов, ни голосов. Тогда он вышел в коридор и двинулся дальше — тихо, прижимаясь к стенам, как вор в собственном доме.

В конюшнях пахло сеном, кожей и лошадьми. Эдвард остановился у стойла, провёл ладонью по шее рыжего скакуна — крупного, сильного, с внимательными глазами.

— Ну что, — сказал он негромко, — доволен условиями?

Это был тот самый конь, которого он сам прислал с Севера. Эдвард выбрал его, оседлал и вскоре уже ехал по пустым ночным улицам. Фонари горели редко, давая желтые блики среди красного света кристаллов. Копыта громко стучали по камню мощенных мостовых, будто объявляли о национальном герое всему миру.

Путь был понятен: Эдвард двигался к городскому кладбищу, в фамильный склеп Фери. Прошло больше суток после похорон. Значит, традиционное дежурство окончено. Никто не должен был больше сидеть у гроба незамужней девы. Не хотелось бы встретить священников, родственников или зевак, которым всегда было дело до чужой смерти.

Мужчина спешил на возвышенности посреди кладбища, оставил коня в лунной тени и пошёл дальше пешком. Камни под ногами были с тонким слоем наледи. Надгробия темнели в ночи черными силуэтами. Склеп Фери Эдвард узнал сразу — массивный, с гербом над входом, ещё свежие цветы у подножия. Мужчина прошёл под каменными сводами и остановился так резко, будто наткнулся на стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.